

Часть 6 К какому берегу мы причалили?

Неоднократные социальные потрясения XX века сильно повлияли на эволюционный процесс демографической модернизации в России, в чем-то ускорили, в чем-то замедлили, но в любом случае деформировали его. Исторически обусловленные, общемировые изменения семьи, брака, рождаемости, смертности, протекавшие в России на протяжении всего XX столетия, шли здесь противоречиво, непоследовательно и во многом остались незавершенными. Тем не менее, к концу века они продвинулись очень далеко и в корне преобразовали весь ход извечно-го процесса возобновления поколений.

Эти глубокие модернизационные преобразования дают основания говорить об обновлении основополагающих механизмов функционирования российской демографической системы и о том, что в России к концу XX века утвердился новый тип воспроизводства населения, намного более эффективный, экономичный и устойчивый, чем предыдущий. А так как демографическая система — одна из жизненно важных подсистем всего социального целого, то ее обновление не могло не иметь огромных последствий для российского общества. Обновление демографической системы сказалось на самых разных сторонах его жизнедеятельности, изменило возрастной состав населения, затронуло сферу производства, распределения и потребления, сделало возможным и неизбежным новый строй отношений между различными социально-демографическими группами, повлияло на психологические установки и систему ценностей.

21.1 Рост эффективной рождаемости поколений

В главе 3 (раздел 3.2) уже говорилось, что Россия вошла в XX столетие с очень высокой общей, но с очень низкой эффективной рождаемостью. А с точки зрения демографического, да и социального воспроизводства, важна именно эффективная рождаемость, которая характеризуется не просто числом рожденных детей, но и тем, сколько людей из числа рожденных выживают, социализируются, участвуют в экономической жизни, становятся взрослыми и приходят на смену своим родителям. Дети, умершие в младенчестве или на подступах к взрослой жизни, с демографической и социально-экономической точек зрения, — неоправданная растрата воспроизводственного потенциала человеческой популяции. Напротив, дети, по мере их дожития до некоторых социально определенных возрастных порогов, становятся все более ценным капиталом для общества и семьи.

Выше уже приводились сказанные в самом начале века слова П. Куркина о бесполезной растрате «производительных сил населения» России (раздел 3.2). Та же мысль снова зазвучала — уже в новой стилистике, — когда страна стала приходить в себя после катастрофических событий Первой мировой и Гражданской войн: «Какая буря разразилась

бы в Совете народного хозяйства, — писал С. Томилин в 1926 году, — если бы там было сообщено, что из тысячи заказанных тракторов по дороге испортилось 493, а прибывшие на место все в непродолжительное время пришли в негодность. Из каждой тысячи „человеческих машин“, изготовляемых в домашних производствах Советского Союза, к периоду годности их для хозяйственной эксплуатации уцелевает 507. Срок хозяйственного их использования длится только 17 лет» (Томилин 1973в: 141).

В то время положение менялось еще очень медленно, но в конце концов начавшееся еще до революции снижение детской смертности, несмотря на все препятствия, принесло свои плоды. К середине XX века младенческая смертность в России была примерно в 2,5 раза ниже, чем в его начале, снизилась смертность детей и в других возрастах. А такое снижение — важнейший пусковой механизм модернизации всего процесса демографического воспроизводства. Чем выше смертность детей, тем, при той же социальной норме детности, более высокой должна быть величина компенсаторной составляющей рождаемости, а следовательно, и рождаемость в целом. Чем меньше число детей, достигающих совершеннолетия, возраста вступления в брак и родительства, отличается от общего числа рожденных детей, тем выше демографическая и социальная эффективность рождаемости и экономичность режима воспроизводства населения. Сближение общей и эффективной рождаемости — свидетельство роста этой эффективности, показатель демографического прогресса, достигаемого в ходе модернизационных перемен, и в то же время — объективная основа значительного снижения рождаемости. Такое сближение происходит во всех странах, переживающих демографическую модернизацию, не стала исключением и Россия.

В таблице 21.1 и на рисунке 21.1 приведены оценки числа детей, доживающих до возрастов 1 год, 10, 15 и 20 лет, из числа детей, рожденных живыми в среднем одной представительницей поколений 1841–1970 годов рождения¹.

По нашей оценке, из 7 детей обоих полов, рожденных живыми в среднем одной матерью во второй половине XIX века, до возраста 1 год доживало 4,5–5 детей, трудоспособными подростками имели шанс стать 3,5 ребенка, а проблема поиска жениха или невесты реально вставала только для 3 детей (табл. 21.1, рис. 21.1). Таким образом, несмотря на очень высокую рождаемость, средняя брачная пара не имела большого числа детей, способных выполнять экономические функции.

В таблицах Приложения каждый из четырех последних столбцов таблицы 21.1 представлен более подробно. В них показано распределение женщин, относящихся к поколениям 1868–1968 годов рождения, по числу детей, рожденных живыми и доживших до каждого из указанных в таблице 21.1 возрастов (1 год, 5, 10 и 20 лет), и среднее число детей, доживших до этих возрастов в расчете на одну женщину.

Таблицы Приложения показывают, что из-за высокой детской смертности доля женщин с эффективной рождаемостью 5 и более детей, доживших, как минимум, до 10-летнего возраста, составляла во второй половине XIX века менее 30%, а доля женщин с эффективной рожда-

¹ В этом разделе использовались таблицы смертности для реальных поколений 1897–1970 годов рождения, рассчитанные Е. Андреевым. Для поколений до 1897 года рождения коэффициенты дожития до отдельных возрастов оценены С. Захаровым с использованием косвенных методов, базирующихся на выполненной ранее оценке ежегодного числа родившихся с конца XVIII века, позволивших оценить нетто-коэффициент воспроизводства реальных поколений (Adametz, Blum, Zakharov 1994: 91–92; Блюм, Захаров 1997). Полученные независимым образом оценки итоговой рождаемости поколений дали возможность рассчитать вероятность дожития до среднего возраста матери (через соотношение между нетто- и брутто-коэффициентами) и, далее, с помощью регрессионных взаимосвязей перейти к коэффициентам дожития до указанных возрастов.

емостью на уровне 0–2 ребенка — более 30%. Практически для каждой десятой женщины эффективная рождаемость к концу детородного периода была нулевой — у них до 10-летнего возраста не дожил ни один ребенок (табл. П-2). Если эффективную рождаемость оценивать числом детей, достигающих нижнего порога взрослости (до 15 лет) и, тем более, возраста наибольшей брачности (до 20 лет), то ситуация в XIX веке выглядит еще более впечатляющей — пропорция тех, у кого выживало не более двоих детей, достигает 40 и более процентов (табл. П-3–П-4).

Таблица 21.1. Среднее число детей, рожденных одной женщиной и доживших до возраста 1 год, 10, 15 и 20 лет, Россия, поколения женщин 1841–1970 годов рождения

Год рождения матери	Рождено живыми*	Из них дожило до возраста:			
		1 год	10 лет	15 лет	20 лет
1841–1845	6,84	4,52	3,19	3,09	2,99
1846–1850	6,90	4,57	3,23	3,13	3,02
1851–1855	7,08	4,71	3,33	3,23	3,11
1856–1860	7,11	4,76	3,39	3,29	3,13
1861–1865	7,12	4,81	3,47	3,35	3,17
1866–1870	7,20	4,93	3,59	3,47	3,26
1871–1875	6,96	4,86	3,56	3,42	3,22
1876–1880	6,85	4,88	3,58	3,45	3,23
1881–1885	6,20	4,48	3,30	3,18	2,97
1886–1890	5,49	4,01	2,96	2,87	2,68
1891–1895	5,50	4,03	3,01	2,93	2,72
1896–1900	5,23	3,83	2,92	2,85	2,65
1901–1905	4,59	3,37	2,63	2,58	2,44
1906–1910	3,66	2,71	2,16	2,13	2,08
1911–1915	2,82	2,16	1,79	1,77	1,76
1916–1920	2,46	2,01	1,77	1,76	1,75
1921–1925	2,25	1,99	1,88	1,87	1,86
1926–1930	2,20	2,03	1,97	1,97	1,95
1931–1935	2,15	2,04	2,01	2,00	1,99
1936–1940	2,01	1,95	1,92	1,92	1,91
1941–1945	1,91	1,85	1,84	1,83	1,82
1946–1950	1,85	1,80	1,78	1,78	1,77
1951–1955	1,89	1,84	1,83	1,82	1,81
1956–1960	1,87	1,82	1,81	1,80	1,79
1961–1965**	1,71	1,68	1,66	1,66	1,65
1966–1970**	1,56	1,53	1,52	1,52	1,50

Примечание: В расчете использованы коэффициенты дожития «среднего» ребенка. Для женщин, родившихся в году t , эта величина равна: $\frac{1}{F(t)} \sum l(y, t+x) f(x, t)$,

где x — возраст женщины; $F(t)$ — итоговая рождаемость для женщин поколения t ; $f(x, t)$ — коэффициент рождаемости в возрасте x для поколения t ; $l(y, t)$ — ко-

эффициент дожития лиц обоего пола до возраста y для поколения t .

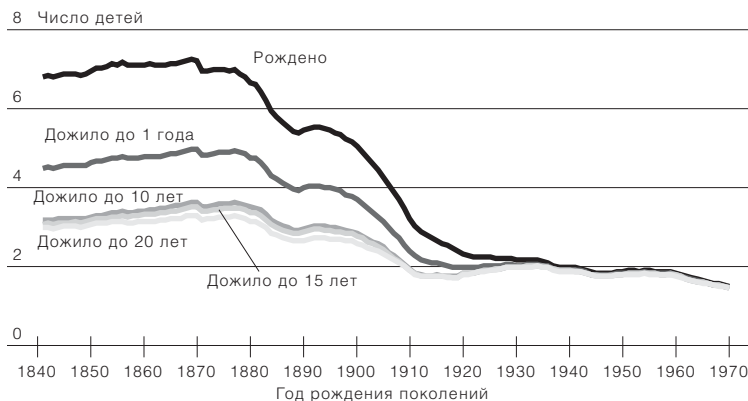
* Итоговая рождаемость реальных поколений.

** Предварительная оценка.

По мере снижения детской смертности итоговая эффективная рождаемость постепенно приближается к итоговой общей рождаемости. Разница между общим числом рожденных детей и числом детей, доживших до взрослого состояния, становится малозначимой у поколений матерей, родившихся после 1925 года, когда вероятность дожития детей до 15 лет переваливает за отметку 90%.

К концу XX века лишь у 5–6 из 100 россиянок число выживших детей было меньше числа рожденных. Хотя доля женщин, родивших не более двух детей, за сто лет существенно увеличилась, риск остаться бездетными к старости в конце XIX и в конце XX века составляет одну и ту же величину (порядка 10%) — снижение рождаемости было в значительной степени компенсировано снижением детской смертности,

Рисунок 21.1. Среднее число детей, рожденных одной женщиной и доживших до возраста 1 год, 10, 15 и 20 лет, Россия, поколения женщин 1841–1970 годов рождения

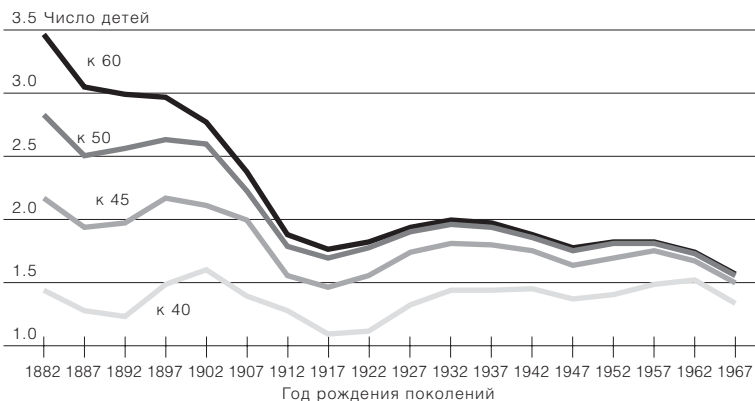
а распространенность физиологического бесплодия и добровольной бездетности, по историческим меркам, изменились незначительно. В то же время следует отметить, что поколения женщин 1905–1920 годов рождения, репродуктивный период которых пришелся на периоды невзгод (1930–1940-е годы), потеряли, в силу экстремально высокой смертности, значительную часть своего потомства. Доля женщин, у которых не стал взрослым ни один ребенок, достигает для данных поколений 20% и более! Снижение рождаемости у них опередило возможности общества контролировать смертность. В последние десятилетия века, когда эти поколения составляли большую часть пенсионеров по возрасту, почти каждый третий их представитель был лишен поддержки со стороны взрослых, трудоспособных детей.

Открывая возможность снижения уровня общей рождаемости, рост эффективной рождаемости немедленно отражается на демографическом поведении семей — они все чаще прибегают к намеренному ограничению рождений, число которых от поколения к поколению становится все меньшим. Тем не менее, накопленная эффективная рождаемость (число детей в возрасте 10 лет и старше) к возрасту матери в 40 лет долгое время остается достаточно стабильной величиной. Если исключить перепады, вызванные социальными катастрофами первой половины XX века, то она все время близка к уровню в 1,5 ребенка на одну женщину (рис. 21.2). Такой она была у поколений женщин, рожденных в начале 1880-х годов, на этом же уровне она удерживается и у поколений, родившихся в 1930-х — первой половине 1960-х.

Но путь к этому результату коренным образом меняется.

Традиционная «допереходная» семья на всех этапах жизненного цикла была обременена маленькими детьми, и при этом из-за высокой детской смертности ни на одном из этих этапов типичная супружеская пара не была многодетной. Реальная возможность массовой многодетности появляется только у постпереходной семьи — благодаря росту эффективной рождаемости. Но в России, как и в большинстве развитых стран, семья не воспользовалась этой возможностью, не стала действительно многодетной или даже «среднедетной» (с 3–4 детьми).

Рисунок 21.2. Среднее число детей в возрасте 10 лет и старше к возрасту матери 40, 45, 50 и 60 лет, Россия, женские поколения 1881–1969 годов рождения

Примечание: Расчет произведен в предположении, что «эффективные» рождения матери так же, как и все рождения, распределены по возрасту рождения.

Она ограничила общее число рождений, что позволило локализовать бремя ухода за маленькими детьми на относительно коротком этапе семейного жизненного цикла.

21.2

Воспроизводство условных поколений

Показатели воспроизводства условных поколений представляют собой, по существу, не более чем оценку демографических условий воспроизводства населения в данном календарном году (а не описание действительного хода воспроизводственного процесса, как часто думают). Анализ этих показателей позволяет судить о меняющейся воспроизводственной конъюнктуре и делает возможным временные и пространственные сопоставления.

В центре такого анализа всегда стоит хорошо известный демографам показатель — нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства женского населения. Компоненты расчета этого показателя для пятилетних периодов, начиная с последнего пятилетия XIX века и кончая последним пятилетием XX, приведены в таблице 21.2. В ее последней колонке указан так называемый истинный коэффициент естественного прироста, т.е. коэффициент естественного прироста стабильного населения, соответствующего возрастным функциям рождаемости и смертности каждого периода.

В конце XIX — первом десятилетии XX века в лучшем случае лишь половина рожденных девочек достигала среднего возраста материнства, однако при уровне рождаемости 7 и более детей в расчете на одну женщину в России устойчиво обеспечивалось расширенное воспроизводство населения — каждое новое поколение девочек было примерно в 1,5 раза больше материнского (нетто-коэффициент воспроизводства колебался в интервале 1,5–1,6). В результате численность населения ежегодно могла увеличиваться на 1,4–1,6% (истинный коэффициент естественного прироста равнялся 14,0–15,5‰). Медленное снижение рождаемости в то время компенсировалось постепенным улучшением

Таблица 21.2. Компоненты нетто-коэффициента воспроизводства женского населения и «истинный» коэффициент естественного прироста в России, 1895–1999

	Среднее число рождений на одну женщину	В том числе девочек	Средний возраст матери	Вероятность дожить до среднего возраста матери	Нетто-коэффициент воспроизводства	Истинный коэффициент естественного прироста, %
1895–1899	7,42	3,62	31,6	0,43	1,57	14,3
1900–1904	7,28	3,55	31,6	0,46	1,63	15,5
1905–1909	6,97	3,40	31,8	0,48	1,63	15,4
1910–1914	6,68	3,25	31,8	0,50	1,64	15,5
1915–1919	4,76	2,32	31,5	0,38	0,89	-3,7
1920–1924	5,90	2,88	31,8	0,37	1,07	2,1
1925–1929	6,58	3,21	31,7	0,53	1,70	16,2
1930–1934	4,82	2,35	31,7	0,45	1,06	1,8
1935–1939	4,75	2,31	31,3	0,56	1,29	8,1
1940–1944	3,07	1,49	31,5	0,37	0,56	-18,4
1945–1949	2,69	1,31	30,1	0,71	0,92	-2,8
1950–1954	2,88	1,40	29,3	0,83	1,17	5,4
1955–1959	2,72	1,33	28,7	0,91	1,20	6,3
1960–1964	2,41	1,18	27,9	0,95	1,12	4,1
1965–1969	2,06	1,01	27,4	0,96	0,97	-1,1
1970–1974	2,01	0,98	26,8	0,97	0,95	-1,9
1975–1979	1,96	0,95	26,2	0,97	0,92	-3,2
1980–1984	1,99	0,97	25,8	0,97	0,94	-2,4
1985–1989	2,11	1,03	25,9	0,98	1,00	0,0
1990–1994	1,59	0,77	24,9	0,98	0,76	-11,0
1995–1999	1,25	0,61	25,2	0,98	0,60	-20,3

Рисунок 21.3. Нетто-коэффициент воспроизводства населения, Россия, 1895–1999

дожития детских поколений, так что интегральные показатели воспроизводства менялись мало.

Плавное изменение показателей прерывается Первой мировой и Гражданской войнами и сопутствующими им голодом и эпидемиями. Падение рождаемости и резкое ухудшение ситуации со смертностью вызвало демографический кризис. При длительном сохранении показателей режима воспроизводства, зафиксированных в 1915–1919 годах, насе-

ление России сокращалось бы на 0,4% в год. Но компенсационный рост рождаемости и некоторые успехи в снижении смертности в 1920-х годах вновь восстановили прежние характеристики демографического воспроизводства. Значение нетто-коэффициента воспроизводства, рассчитанное для 1925–1929 годов, оказывается даже выше, чем в конце XIX века — 1,7, что стало едва ли не рекордной величиной за всю историю России.

В 1930-х годах тенденция к уменьшению показателей замещения поколений, вызванная снижением рождаемости (ситуация со смертностью практически не улучшалась), становится преобладающей на фоне колебаний, вызванных форсированным «построением социализма» и кризисом 1932–1933 годов. Вторая мировая война, в свою очередь, усиливает колебания и вызывает очередной демографический кризис. Вероятность дожития до среднего возраста материнства вновь опускается до 37%, и уровень рождаемости — около 3 детей в расчете на одну женщину — оказывается явно недостаточным для простого замещения поколений (на смену материнскому поколению приходило поколение на 44% меньшее по численности — нетто-коэффициент воспроизводства населения в первой половине 1940-х годов, по нашей оценке, составлял 0,56). Понятно, что при сохранении такого режима воспроизводства численность населения в перспективе начала бы быстро сокращаться — темпами не менее чем 1,8% в год.

В послевоенные годы после кратковременного и мало выразительного компенсационного роста рождаемости восстановилась тенденция к ее снижению. В то же время два послевоенных десятилетия были ознаменованы резким снижением детской смертности — шансы для девочки стать матерью быстро увеличились до 90–95% к началу 1960-х годов. Благодаря такому снижению смертности, режим воспроизводства в 1950-х — первой половине 1960-х годов все же обеспечивал простое замещение поколений (каждое новое поколение воспроизводило родительское с превышением на 10–20%). Однако уже в то время перспектива перехода к суженному воспроизводству, когда каждое новое поколение по численности будет меньше родительского, становилась все более очевидной.

С середины 1960-х годов эффект снижения женской смертности становится малозначимым. Повышение вероятности дожития новорожденной девочки до среднего возраста материнства с 0,96 до 0,98 было не способно серьезно сказаться на интегральных характеристиках воспроизводства населения. Решающим фактором их изменения в последней трети XX века становится уровень рождаемости. А он лишь на короткое время, во второй половине 1980-х годов, поднялся до отметки 2,1 ребенка в расчете на одну женщину (граница простого воспроизводства при современном уровне смертности). Поэтому не удивительно, что с середины 1960-х годов в России устанавливается режим воспроизводства, не обеспечивающий даже простого замещения поколений. Падение рождаемости в 1990-х годах еще усилило степень «недовоспроизводства» (каждое новое поколение детей было на 30–40% меньше родительского).

Поскольку население России не воспроизводится уже четыре десятилетия, перспективы его увеличения за счет естественного прироста в ближайшие два десятилетия ничтожны. При отсутствии дополни-

тельной миграционной подпитки и сохранении уровня рождаемости второй половины 1990-х годов численность населения может сокращаться ежегодными темпами, достигающими до 1% в год, а в пределе — и до 2% в год, как на то указывает «истинный» коэффициент естественного прироста стабильного населения (-20,3 на 1000 населения), приведенный в таблице 21.2.

21.3 Воспроизводство реальных поколений

Популярность показателей для условных поколений («поперечных», или трансверсальных) объясняется относительной простотой их получения. Но количественные характеристики реального воспроизводства населения соответствуют этим показателям только в том случае, если последние сохраняются неизменными на протяжении достаточно длительного времени. На деле же они постоянно колеблются, а в период демографического перехода подвержены долговременным направленным изменениям. В этот период дать полное и глубокое представление о том, что происходит с воспроизводством населения на самом деле, могут только показатели для реальных поколений («продольные», или лонгитюдинальные).

Применительно к России анализ данных, относящихся к реальным поколениям, показывает, что их воспроизводство не знало тех предельных, отражающих конъюнктуру момента характеристик, которые демонстрируются в таблице 21.2. В реальной российской истории XX века за кризисным периодом, как правило, следовал период относительного благополучия, младенческая смертность компенсировалась, по крайней мере, частично, более поздними рождениями. В результате эволюция режима воспроизводства реальных поколений шла более плавно, отражая общие закономерности демографического перехода.

В таблице 21.3 приведены данные об итоговой рождаемости поколений россиянок, появившихся на свет между 1841 и 1970 годами. Соответствующие показатели сравниваются с оценками уровня итоговой рождаемости, минимально необходимого для того, чтобы численность последующих когорт не убывала². Эти оценки выполнены в двух вариантах.

Если исходить из режима смертности *материнского* поколения, для которого оценивается итоговая рождаемость, то в условиях неснижающейся детской смертности мы получаем нижнюю планку «необходимого» уровня рождаемости (норма, задаваемая прошлым историческим опытом; если же смертность детей будет снижаться, эта оценка тем более будет гарантировать воспроизводство поколений). При таком подходе получаем первый вариант оценки. Если же исходить из реально сложившегося порядка дожития *дочерних* поколений (второй вариант оценки), то планка «необходимого» уровня рождаемости может оказаться иной³. Разница между двумя

2

При допущении, что средний возраст матери составляет 28 лет. Принятое допущение приводит к незначительному завышению темпов замещения поколений, родившихся в XIX — начале XX века, и их занижению для поколений, родившихся после 1960 года.

3

В литературе встречаются оба варианта оценки. В частности, характеристики дожития материнских поколений были использованы ранее для оценки воспроизводства реальных поколений (Блюм, Захаров 1997; Население России 1998: 67–68; Население России 2001: 61–62). Такой же подход применялся и другими авторами, что позволяет сравнить полученные результаты (Sardon 1991a). Р. Сифман при расчете коэффициента возобновления поколения 1925–1929 годов рождения отдала предпочтение оценке уровня смертности дочернего поколения (Сифман 1974: 52–55). Интегрировать в одном показателе характеристики смертности «материнских» и «дочерних» поколений посредством расчета отношения человеко-лет прожитой жизни матерями и их дочерьми предлагал Л. Анри (Henry 1965: 53–69).

оценками «необходимого» уровня рождаемости показывает, в какой мере воспроизводство населения выиграло или проиграло от изменения смертности за период смены поколения (примерно за три десятилетия). Так как в период демографического перехода смертность, особенно в младших возрастах, обычно снижается, вторая оценка обычно ниже первой. Наконец, отклонение фактической итоговой рождаемости поколений от этих двух оценок показывает относительную «избыточность» или «недостаточность» достигнутого уровня рождаемости для обеспечения простого воспроизводства населения.

Таблица 21.3. Итоговая рождаемость поколений и число детей, необходимое для простого воспроизводства материнских поколений при различных условиях смертности, Россия, женские поколения 1841–1970 годов рождения

Годы рождения матери	Число живорожденных детей в расчете на одну женщину	Число детей, необходимых для простого воспроизводства поколений*		Отношение фактического числа детей к необходимому**	
		при условии смертности материнских поколений	при условии смертности дочерних поколений	при условии смертности материнских поколений	при условии смертности дочерних поколений
1841–1845	6,84	4,82	4,71	1,42	1,45
1846–1850	6,90	4,83	4,67	1,43	1,48
1851–1855	7,08	4,85	4,63	1,46	1,53
1856–1860	7,11	4,82	4,57	1,48	1,56
1861–1865	7,12	4,81	4,50	1,48	1,58
1866–1870	7,20	4,83	4,44	1,49	1,62
1871–1875	6,96	4,76	4,39	1,46	1,59
1876–1880	6,85	4,68	4,34	1,46	1,58
1881–1885	6,20	4,49	4,27	1,38	1,45
1886–1890	5,49	4,64	4,18	1,18	1,31
1891–1895	5,50	4,82	4,07	1,14	1,35
1896–1900	5,23	4,37	3,90	1,20	1,34
1901–1905	4,59	4,35	3,68	1,06	1,25
1906–1910	3,66	4,22	3,48	0,87	1,05
1911–1915	2,82	4,18	3,20	0,68	0,88
1916–1920	2,46	4,91	2,83	0,50	0,87
1921–1925	2,25	4,09	2,46	0,55	0,92
1926–1930	2,20	3,72	2,29	0,59	0,96
1931–1935	2,15	3,81	2,20	0,56	0,98
1936–1940	2,01	3,72	2,15	0,54	0,94
1941–1945	1,91	3,12	2,14	0,61	0,89
1946–1950	1,85	2,51	2,13	0,74	0,87
1951–1955	1,89	2,34	2,13	0,81	0,89
1956–1960	1,87	2,19	2,13	0,85	0,88
1961–1965***	1,71	2,14	2,12	0,80	0,81
1966–1970***	1,56	2,13	2,11	0,73	0,74

* Определено из расчета дожития одной девочки до возраста 28 лет и постоянного соотношения полов при рождении ребенка

ка (доля девочек составляет 0,488).

** Соответствует нетто-коэффициенту воспроиз-

водства поколений (см. табл. 21.4).

*** Предварительная оценка.

Как видно из таблицы 21.3 и рисунка 21.4, во второй половине XIX века необходимой границей простого воспроизводства населения было рождение одной женщиной в среднем 4,5–5 детей. Поскольку итоговая рождаемость поколений поддерживалась практически на одном уровне — около 7 детей на одну женщину, а снижение детской смертности едва ощущалось, то каждое новое поколение, по сути, воспроизводилось с неизменным режимом. Уровень относительно «избыточной» рождаемости для женщины к 50-летнему

возрасту составлял 2–2,5 ребенка, что обеспечивало расширенное воспроизводство поколений и достаточно высокие темпы роста населения в целом.

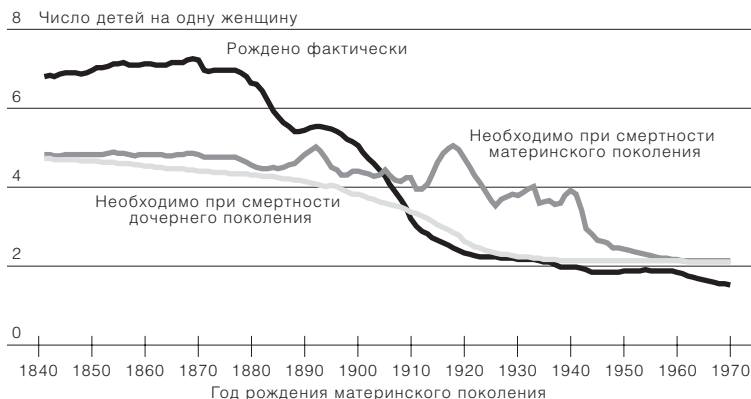
По мере того как дожитие поколений увеличивалось, нижняя планка «необходимой» рождаемости с некоторыми колебаниями постепенно сдвигалась вниз.

На этапе быстрого сокращения смертности различия между характеристиками дожития «материнских» и «дочерних» поколений существенно увеличились. Так, если бы выживание детей, произведенных на свет женщинами 1911–1915 годов рождения, соответствовало «материнскому» режиму смертности, то для простой замены поколения одной женщине нужно было бы родить не менее 4,2 ребенка за свою жизнь, а при фактической наблюдаемой смертности их детей — 3,2, т.е. на одного ребенка меньше. Однако фактическая итоговая рождаемость для этого поколения оказалась еще меньшей — 2,8. Снижение рождаемости у матерей, родившихся в начале XX века, было стремительным и опережало улучшения в области смертности.

В России переход от режима расширенного воспроизводства поколений к режиму воспроизводства суженного произошел очень резко. Последними поколениями, которым удалось воспроизвести себя в потомстве — и то лишь благодаря успехам в снижении детской смертности, — стали поколения женщин 1906–1910 годов рождения. Период интенсивной рождаемости этих женщин в основном пришелся на вторую половину 1920-х — первую половину 1930-х годов. Все последующие поколения имели итоговую рождаемость на уровне, не обеспечивающем замещения поколений (рис. 21.4).

Неопределенность воспроизводственной ситуации из-за различий в смертности между «материнскими» и «дочерними» поколениями снимается для поколений матерей, родившихся во второй полови-

Рисунок 21.4. Итоговая рождаемость и норма простого возобновления поколений, Россия, женские поколения 1841–1970 годов рождения

Примечание: Норма простого возобновления поколений, учитывающая смертность «дочернего» поколения, меняется более плавно в силу того, что для ее расчета применялся

коэффициент дожития «среднестатистической» дочери, рожденной матерью за весь репродуктивный период с 15 до 50 лет. При расчете нормы возобновления поколения с уче-

том смертности «материнского» поколения применялись оценки фактических коэффициентов дожития для однолетних когорт.

не 1950-х годов и позже. Повышение шансов дожить до среднего возраста материнства при переходе от материнских поколений к поколениям их дочерей уже не способно существенным образом изменить границу простого воспроизводства населения. При режиме смертности, характерном для женщин, родившихся во второй половине 1960-х годов, каждой из них для простого воспроизводства поколения требовалось родить в среднем 2,14 ребенка, а с учетом фактически сложившейся, более низкой смертности их детей — 2,12, или всего на 0,02 ребенка меньше. Если предположить, что в будущем России удастся максимально использовать резервы снижения детской смертности, и шансы стать взрослой женщиной для новорожденной девочки поднимутся вместо сегодняшних 97% до уровня, характерного сегодня для развитых стран, — более 98%, то граница простого замещения поколений еще немного приблизится к двум детям и составит 2,07–2,09. Понятно, что принципиальных изменений в оценку «необходимого» уровня рождаемости это не вносит.

О том, что к концу XX века смертность как фактор неопределенности результата репродуктивной деятельности поколений практически исчерпала свою роль, наглядно свидетельствует таблица 21.4, в которой представлены оценки чистого коэффициента (нетто-коэффициента) возобновления женских поколений.

Женщины, родившиеся в середине XIX века, производили на свет, в среднем, 3,3–3,5 девочек, из них 1,4–1,5 девочек доживали до возраста 28 лет. Это означает, что каждое последующее женское (дочернее) поколение было на 40–50% больше по численности, чем предыдущее. Стабильное поддержание такого режима воспроизводства поколений в отсутствие миграции обеспечивало бы ежегодный прирост общей численности населения страны на уровне 1,1–1,3% (истинный коэффициент естественного прироста для реальных поколений). Быстрые темпы роста населения достигались ценой высокого расточительства человеческого капитала. Воспроизводство поколений было расширенным, но высокзатратным, неэкономичным, более 50% девочек из числа рожденных не имели шанса дожить до возраста, в котором они могли заменить своих матерей.

Начиная с женских поколений, родившихся во втором десятилетии XX века, устанавливается суженный режим воспроизводства (рис. 21.5). На смену одной женщине материнского поколения приходит менее одной дочери — в среднем 0,9 девочки для женщин 1911–1960 годов рождения при колебаниях от поколения к поколению от 0,86 до 0,97. Такая величина чистого коэффициента воспроизводства поколений предполагает, что общая численность населения будет непрерывно сокращаться с ежегодным темпом 0,1–0,6%. Сходный результат репродуктивной деятельности многих поколений в России складывался за счет различного вклада рождаемости и смертности в начале и в конце периода. За 50 лет фактическое дожитие девочек до среднего возраста материнства увеличилось на 40% (вероятность прожить интервал от 0 до 28 лет выросла с 60% до 96%), при этом итоговая рождаемость поколений сократилась примерно на те же 40% (с 1,4 до 0,9 девочки в расчете на одну женщину). Экономичность демографического воспроизводства общества несравненно возросла, однако это не смогло компенсировать снижения рождаемости.

Таблица 21.4. Среднее число рожденных девочек и их дожитие до возраста 28 лет при различных условиях смертности, Россия, женские поколения 1841–1970 годов рождения

Годы рождения матери	Вероятность для новорожденной девочки дожить до возраста 28 лет			Число девочек, которые дожили бы до 28 лет при условии смертности материнского поколения	Число девочек, фактически доживших до 28 лет (нетто-коэффициент воспроизводства)
	Число рожденных девочек*	в материнском поколении**	в дочернем поколении***		
1841–1845	3,33	0,425	0,435	1,42	1,45
1846–1850	3,36	0,424	0,438	1,43	1,48
1851–1855	3,44	0,423	0,443	1,46	1,53
1856–1860	3,46	0,425	0,448	1,48	1,56
1861–1865	3,46	0,426	0,455	1,48	1,58
1866–1870	3,50	0,424	0,461	1,49	1,62
1871–1875	3,39	0,431	0,467	1,46	1,59
1876–1880	3,33	0,438	0,472	1,46	1,58
1881–1885	3,02	0,457	0,480	1,38	1,45
1886–1890	2,67	0,442	0,490	1,18	1,31
1891–1895	2,68	0,426	0,504	1,14	1,35
1896–1900	2,55	0,469	0,526	1,20	1,34
1901–1905	2,23	0,471	0,556	1,06	1,25
1906–1910	1,78	0,486	0,588	0,87	1,05
1911–1915	1,37	0,492	0,641	0,68	0,88
1916–1920	1,20	0,417	0,725	0,50	0,87
1921–1925	1,10	0,504	0,835	0,55	0,92
1926–1930	1,07	0,552	0,895	0,59	0,96
1931–1935	1,05	0,538	0,930	0,56	0,98
1936–1940	0,98	0,552	0,952	0,54	0,94
1941–1945	0,93	0,668	0,958	0,61	0,89
1946–1950	0,90	0,816	0,961	0,74	0,87
1951–1955	0,92	0,878	0,962	0,81	0,89
1956–1960	0,91	0,934	0,964	0,85	0,88
1961–1965****	0,83	0,956	0,967	0,80	0,81
1966–1970****	0,76	0,960	0,970	0,73	0,74

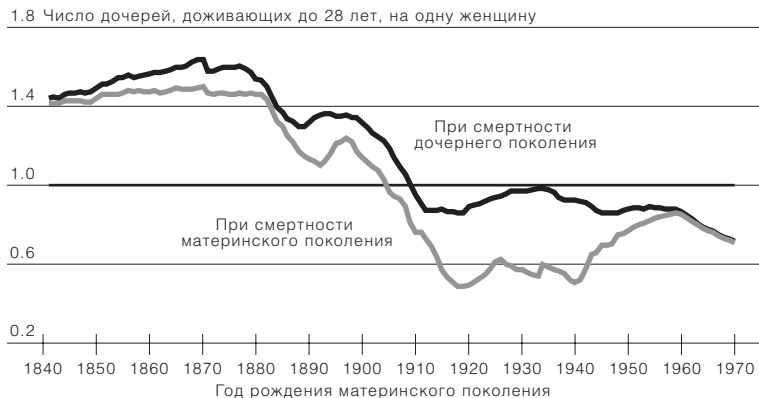
* Получено, исходя из величины итоговой рождаемости поколений и доли девочек при рождении, равной 0,488.

** Рассчитано прямым способом по женским когортным таблицам смертности.

*** Рассчитано с использованием средневзвешенных

оценок фактических коэффициентов дожития (см. примечание к табл. 21.1).
**** Предварительная оценка.

Рисунок 21.5. Коэффициент возобновления реальных поколений при различных уровнях смертности, Россия, женские поколения 1841–1970 годов рождения

Длительное господство суженного режима замещения поколений подготовило почву для естественной убыли населения России, которая фактически началась в последнем десятилетии XX века, но могла бы появиться и раньше, если бы этому не препятствовали особенности возрастной пирамиды российского населения, сильно деформированной вследствие катастрофических событий первой половины XX столетия.

Результаты расчетов, приведенные в таблице 21.4 и на рисунке 21.5, говорят о том, что если бы поколения «дочерей» имели тот же порядок дожития до среднего возраста материнства, что и их матери, то режим воспроизводства поколений 1910–1950-х годов рождения был бы еще более суженным, чем он оказался в действительности: дочери поколения составляли бы лишь 50–70% от численности материнских поколений. Соответственно, к концу XX века Россия имела бы естественную убыль населения, доходящую до 2% в год.

Если коэффициент замещения поколений будет и в дальнейшем поддерживаться на уровне 0,7–0,8, характерном для женщин, родившихся в 1960-х годах, следует всерьез рассматривать возможность того, что в России естественная убыль населения достигнет 1% в год.

Данные, представленные в таблице 21.5 и на рисунке 21.6, позволяют оценить, какая доля женщин в каждом поколении ответственна за тот или иной воспроизводственный результат (простое, суженное и расширенное воспроизводство). Они показывают, что в России от поколения к поколению практически увеличивалась только одна категория женщин — тех, которые обеспечивали простое воспроизводство родительских поколений (одна дочь приходит на смену матери). Доля таких женщин составляла около 30% в поколениях, родившихся в конце XIX века, и 43% — в когортах 1950–1960-х годов рождения. Доля женщин, которые воспроизвели себя в потомстве в расширенном размере (две и более дочери заместили свою мать) неуклонно сокращалось (с 45% до 15%).

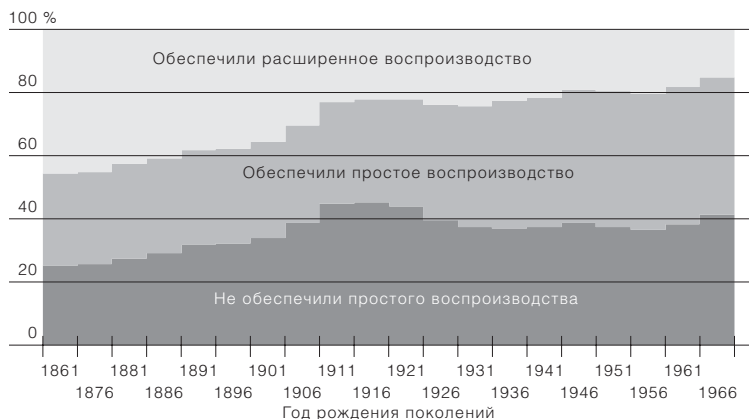
Что же касается доли тех, кто себя не воспроизвел, — не имел ни одной девочки, дожившей до 28 лет, — то она менялась по более сложной траектории: рост в поколениях, родившихся до Первой мировой и Гражданской войн (с 25% в конце XIX века до максимума в 45% для поколений 1914–1918 годов рождения), с последующим небольшим снижением и стабилизацией на уровне 37–39% в поколениях 1925–1965 годов. В поколениях, родившихся во второй половине 1960-х годов и позднее, доля женщин, не воспроизводивших себя, вновь увеличивается. В поколениях, которые сегодня близки к завершению репродуктивной деятельности, она приблизилась вплотную к доле женщин, обеспечивающих простое возобновление поколений, и имеет тенденцию к росту. Между тем, только если бы удалось переломить эту тенденцию и доля женщин, не воспроизводящих себя в потомстве, стала сокращаться, можно было бы рассчитывать на выправление демографического положения в России и прекращение естественной убыли ее населения.

Таблица 21.5. Распределение женщин по числу девочек, рожденных живыми и доживших до возраста 28 лет (%), и среднее число девочек, доживших до 28 лет в расчете на одну женщину, Россия, женские поколения 1868–1968 годов рождения

Годы рождения женщин	Число девочек, рожденных живыми и доживших до возраста 28 лет, %									Среднее число девочек
	0	1	2	3	4	5	6	7 и более	Всего	
До 1874	25,1	29,4	24,7	13,9	5,3	1,3	0,2	0,0	100,0	1,50
1874–1878	25,6	29,3	24,2	13,7	5,4	1,5	0,2	0,0	100,0	1,49
1879–1883	27,6	29,8	23,2	12,8	5,0	1,4	0,2	0,0	100,0	1,43
1884–1888	29,1	29,9	22,4	12,2	4,8	1,3	0,2	0,0	100,0	1,39
1889–1893	31,5	30,2	21,2	11,2	4,4	1,2	0,2	0,0	100,0	1,32
1894–1898	32,0	30,1	20,8	11,1	4,5	1,3	0,2	0,0	100,0	1,31
1899–1903	34,0	30,2	19,6	10,2	4,3	1,3	0,3	0,0	100,0	1,26
1904–1908	38,6	30,9	17,5	8,3	3,4	1,1	0,2	0,0	100,0	1,11
1909–1913	44,8	32,1	14,6	5,6	2,1	0,7	0,1	0,0	100,0	0,91
1914–1918	45,2	32,7	14,1	5,2	2,0	0,7	0,2	0,0	100,0	0,89
1919–1923	44,1	33,9	14,4	4,9	1,8	0,6	0,2	0,0	100,0	0,89
1924–1928	39,7	36,3	16,3	5,1	1,8	0,6	0,1	0,0	100,0	0,96
1929–1933	37,4	38,4	17,1	4,8	1,6	0,5	0,1	0,0	100,0	0,97
1934–1938	36,8	40,6	16,9	3,9	1,2	0,4	0,1	0,0	100,0	0,94
1939–1943	37,2	41,2	16,6	3,5	1,1	0,4	0,1	0,0	100,0	0,92
1944–1948	38,7	42,1	15,6	2,6	0,7	0,2	0,1	0,0	100,0	0,86
1949–1953	37,4	42,8	16,5	2,5	0,5	0,2	0,0	0,0	100,0	0,87
1954–1958*	36,7	43,0	17,0	2,6	0,5	0,1	0,0	0,0	100,0	0,88
1959–1963*	38,4	43,2	15,9	2,0	0,4	0,1	0,0	0,0	100,0	0,83
1964–1968*	41,5	43,1	13,5	1,5	0,3	0,1	0,0	0,0	100,0	0,76

Примечание: Коэффициент дожития девочек до указанного возраста определялся тем же способом, что и в таблице 21.1, на основании женских когортных таблиц смертности. Риск смерти детей в зависимости от их очередности рождения у матери отдельно не учитывался. Доля девочек принята за константу на уровне 0,488 для каждой очередности рождения.
*Предварительная оценка.

Рисунок 21.6. Соотношение числа женщин каждого поколения, обеспечивших расширенное, простое и суженное воспроизводство населения России, поколения 1861–1968 годов рождения

21.4

Вызов суженного воспроизводства населения

Итак, в терминах условных поколений население России не воспроизводит себя со второй половины 1960-х годов (табл. 21.2), в терминах реальных поколений — начиная с поколений, родившихся после 1910 года (табл. 21.4). Этот давно известный демографам факт находится

в явном противоречии с широко распространенными в России представлениями о недавнем демографическом благополучии, нарушенном якобы лишь реформами последнего десятилетия XX века. Пришедшее на сложные 1990-е годы начало естественной убыли населения страны воспринимается массовым сознанием прежде всего как следствие экономического и социального кризиса «переходного периода». Соответственно, в обществе существуют надежды на то, что как только кризис кончится, естественная убыль населения сменится его естественным приростом. К сожалению, дело, по-видимому, обстоит сложнее, и для подобного оптимизма нет оснований.

Естественная убыль населения — прямое следствие режима суженного воспроизводства населения, установившегося в России, как мы видели, достаточно давно. Соотношение возрастных интенсивностей рождаемости и смертности было крайне невыгодным и не обеспечивало роста населения с середины 1960-х годов, но это маскировалось особенностями возрастной структуры российского населения, в которой был накоплен определенный потенциал демографического роста. Этот потенциал постепенно исчерпывался, так что появление отрицательно-го естественного прироста было лишь вопросом времени.

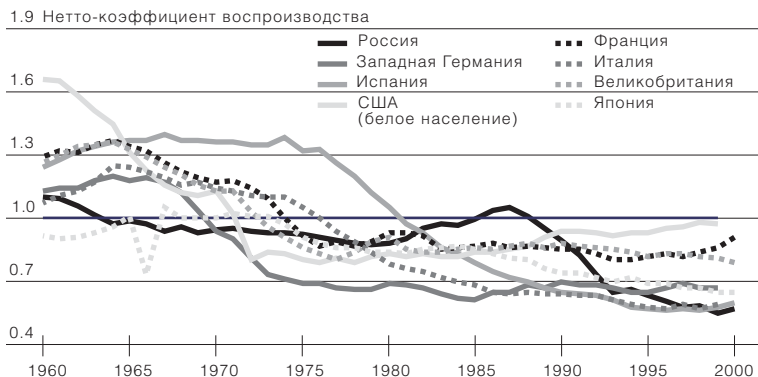
XXI век подавляющее большинство населения страны встретило уже с новым типом демографического воспроизводства, утвердившимся в ходе демографической модернизации. А при таком типе воспроизводства, предполагающем свободу индивидуального прокреативного выбора, впервые становится возможным добровольное снижение рождаемости ниже уровня простого замещения поколений, хотя, конечно, возможность такого снижения еще не означает его неизбежности. Теоретики демографического перехода долгое время были убеждены, что после завершения перехода установится равновесие низкой рождаемости и низкой смертности, которое, как и прежнее равновесие высокой рождаемости и высокой смертности, будет удерживать воспроизводственный процесс вблизи уровня простого замещения поколений.

Эти ожидания не оправдались — и отнюдь не только для России. Обобщая опыт изменений российской рождаемости за сто лет, можно с уверенностью сказать, что, судя как по количественным параметрам рождаемости, так и по стоящему за ними прокреативному поведению людей, Россия эволюционировала в сторону все большей конвергенции с другими урбанизированными и индустриально развитыми странами мира, для которых также характерна низкая, а в последнее время — очень низкая рождаемость, а значит, и суженное воспроизводство населения.

Россия впервые переступила планку простого воспроизводства еще в 1964 году — раньше большинства других крупных индустриальных стран. Однако они не заставили себя долго ждать (рис. 21.7). Так что видеть в установлении режима суженного воспроизводства населения проявление какой-то особой российской специфики, а тем более следствие общего системного кризиса российского общества конца XX века, нет никаких оснований.

Даже если рассматривать низкую рождаемость, не обеспечивающую простого замещения поколений, как кризисное явление, ее широкая распространенность во всех индустриальных урбанизированных обществах не позволяет говорить о специфически российском кризисе. Скорее, речь должна идти об общем кризисе всей современной «пост-

Рисунок 21.7. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в России и в некоторых других развитых странах, 1960–2000

индустриальной» *западной цивилизации*, причины которого не могут быть найдены и устранены в одной стране.

Впрочем, и при таком подходе нельзя не замечать, что снижение рождаемости в постиндустриальных обществах сопряжено со многими изменениями, которые принято интерпретировать как позитивные атрибуты модернизации, — почти полной ликвидацией детской смертности, эмансипацией и самореализацией женщины, растущими удельными инвестициями в детей, ростом образования и пр. Все эти изменения обычно игнорируются при однозначном «кризисном» истолковании низкой рождаемости. Если же принять во внимание все аспекты изменений в массовом прокреативном поведении и их последствий, то, возможно, следует говорить не о катастрофичной низкой рождаемости, а о внутренней перестройке всего социального организма, позволяющей перенести акцент с количественных на качественные характеристики социальной жизни. Привлекательность низкой рождаемости оказывается глубоко укорененной в образе жизни и системе ценностей современных городских обществ.

Тем не менее, в массовом сознании сохраняется, хотя и слабеющее в последнее время, убеждение в возможности повернуть тенденции рождаемости вспять. Во многих странах большие надежды возлагаются на специальные меры демографической политики, с помощью которых можно устранить препятствия или создать стимулы более высокой рождаемости. Общественное мнение, да и исследователи-демографы, как и сто лет назад, пытаются объяснять низкую рождаемость действием разных конкретных факторов. Среди них низкий уровень жизни, высокий уровень потребления и развитие конкурирующих потребностей, большие затраты на воспитание ребенка, отсутствие у родителей экономической заинтересованности в детях, безработица, чрезмерная трудовая занятость женщин; неуверенность в завтрашнем дне; стремление не только мужчин, но и женщин к самореализации и т.д. Кажется очевидным, что, воздействуя на такие факторы, можно влиять и на прокреативное поведение людей.

Но усиливаются и сомнения в состоятельности подобной логики. Попытки мер воздействия на постпереходную рождаемость с целью повышения ее уровня ведутся давно — без какого-либо заметного успеха. Многочисленные объективные факторы, противодействующие такому

повышению, конечно, существуют, но именно потому, что они столь многообразны, столь по-разному сочетаются в тех или иных странах, неизменно приводя к одному и тому же результату, возникают сомнения в объяснительных возможностях «факторного» подхода вообще. Соответственно, едва ли можно ожидать большого эффекта от воздействия на отдельные факторы, на что обычно ориентированы меры демографической политики.

Более вероятно, что влияние конкретных факторов на прокреативное поведение — это лишь промежуточный механизм, и в их действии получают отражение системные требования, формирующиеся на более высоком социетальном уровне и закрепляющиеся в общих ценностных предпочтениях. Соответственно, эволюция прокреативного поведения и формирование уровня рождаемости относительно слабо чувствительны как к отдельным конъюнктурным факторам социально-экономической ситуации, так и к мерам демографической политики.

Это предположение приобретает еще большую убедительность, если рассматривать снижение рождаемости не в рамках отдельных стран, как это обычно делается, а в более широком, глобальном контексте. В этом снижении можно видеть системную реакцию на *общемировую* демографический кризис, порожденный глобальным демографическим взрывом и ростом нагрузки на ограниченные ресурсы планеты. С точки зрения общепланетарных интересов, снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства на достаточно длительный период есть благо. Лишь оно способно привести не только к прекращению мирового демографического взрыва, но и к последующему постепенному, без катастроф, сокращению мирового населения до размеров, более соответствующих предельным возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает Земля. Возможно, что упомянутые выше надежды теоретиков демографического перехода на достижение стабильности на основе равновесия низкой рождаемости и низкой смертности несостоятельны не вообще, а лишь применительно к каждой отдельно взятой стране. Ибо демографические процессы в любой стране не независимы от того, что происходит во всем мире. А применительно к процессам системной самоорганизации на уровне всего человечества надежды на достижение нового равновесия могут и оправдаться.

Если эта гипотеза верна, снижение рождаемости в России, как и на «Западе», — лишь эпизод начинающегося глобального поворота от роста к сокращению численности мирового населения, а низкая «западная» рождаемость — вовсе не свидетельство упадка и кризиса западной цивилизации, как кажется многим, а напротив, доказательство ее огромных адаптивных возможностей. Открыв возможности небывалого снижения смертности во всемирных масштабах, она прокладывает теперь путь низкой рождаемости, без которой достижение низкой смертности превращается в огромную угрозу для человечества.

Все это не исключает того, что низкая рождаемость и следующее за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира, могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Да и для всего мира движение на двух разных скоростях представляет немалую угрозу. Осмысление этой угрозы, выработка превентивных стратегий и политик, при всей их исключительной важности, находятся за преде-

лами нашей темы. Тем не менее, оценивая демографическую составляющую глобального развития, можно с уверенностью сказать, что отнюдь не забота о росте числа людей на планете будет в первую очередь волновать человечество в наступившем столетии. Гораздо большую роль будут играть проблемы замедления этого роста и перераспределения уже имеющегося населения в крайне неравномерно освоенном мировом пространстве — географическом и социальном. В этих условиях думать, что реальным адекватным ответом на новую ситуацию в мире может стать повышение рождаемости и возврат к простому, а то и расширенному воспроизводству населения в развитых странах, в том числе и в России, было бы просто наивно.

- 21.5 Новая возрастная структура
- 21.5.1 Новая структура времени жизни поколений

Одно из самых главных следствий демографической модернизации — резкие изменения возрастной структуры населения, его «постарение» (табл. 21.6).

Таблица 21.6. Доля трех крупных возрастных групп в населении России, %

	0–19 лет	20–59 лет	60 лет и более
1897*	49,7	42,9	7,3
1926	51,6	41,6	6,9
1939	47,6	45,7	6,7
1959	36,8	54,2	9,0
1970	36,0	52,0	11,9
1979	30,7	55,7	13,7
1989	29,9	54,8	15,3
2000	28,0	53,5	18,5

* 50 губерний Европейской России

Старение населения, как и сам демографический переход, — не бесконечно, оно продолжается до тех пор, пока идет смена режимов рождаемости и смертности. Затем оно прекращается, и устанавливается новая устойчивая возрастная структура населения, в корне отличная от той, с которой люди жили на протяжении тысячелетий. Высокая доля пожилых в населении становится неотъемлемой чертой нового типа демографического воспроизводства и часто воспринимается как крайне негативное следствие современных демографических тенденций.

На самом же деле речь идет об огромном социальном завоевании, о переходе к совершенно новому типу внутр поколенческой солидарности. Ее принцип — максимальное равенство шансов на жизнь для всех родившихся. В прошлом привилегия долгожительства выпадала на долю немногих из общего числа родившихся, была редкой и, в основном, случайной. Теперь долгая жизнь перестала быть привилегией меньшинства, вероятность дожить до старости очень велика для любого родившегося. В результате совокупное время жизни предыдущего поколения может прожить поколение, изначально гораздо менее многочисленное, чем прежде. Одна тысяча новорожденных при средней продолжительности жизни 70 лет имеет шанс прожить такое же совокупное время, что и две тысячи новорожденных при средней продолжительности жизни 35 лет. Во втором случае огромное число родив-

шихся не проживает более нескольких дней или нескольких лет, но именно подобное быстрое и раннее вымирание формирует тот контур возрастной пирамиды с широким основанием и узкой вершиной, который оплакивают демографы, политики и журналисты, озабоченные старением населения.

Непосредственной причиной старения в России, как и в других странах, стало переходное (в смысле демографического перехода) снижение рождаемости, в результате которого каждое последующее поколение оказывалось менее многочисленным, чем предыдущее. В результате коренным образом изменялась привычная форма возрастной пирамиды: ее основание становилось все уже, средняя и верхняя часть — все шире, так что пирамида в целом все дальше удалялась от классического образа этой геометрической фигуры.

Но глубинная причина старения — снижение смертности. Фундаментальные процессы, связанные с необратимыми изменениями возрастной пирамиды населения, протекают на уровне поколений. Снижение смертности приводит к тому, что наряду с общим ростом количества лет, проживаемых каждым поколением, еще более высокими темпами увеличивается время, прожитое в средних и старших возрастах. Возрастной состав населения — лишь отражение этого нового распределения прожитых поколениями лет.

21.5.2

Эволюционные и конъюнктурные факторы изменений российской возрастной пирамиды

Старение населения — достаточно плавный процесс, сопровождающий демографический переход и неотделимый, стало быть, от демографической модернизации. Но возрастная пирамида России XX века изменялась под влиянием не только этого эволюционного процесса, но и многочисленных относительно кратковременных пертурбационных воздействий. И исходная численность, и судьба поколений, из которых складывалось население страны к концу столетия, были очень сильно затронуты социальными катастрофами XX века и их последствиями. Они деформировали возрастную пирамиду населения России, обусловили волнообразную динамику возрастного состава населения и периодическую временную инверсию основной тенденции к постарению.

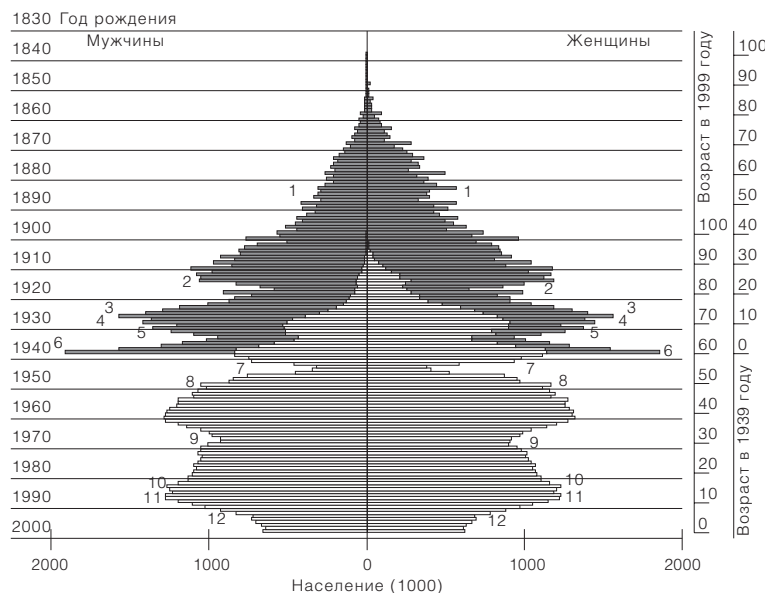
На рисунке 21.8 представлены совмещенные на одном графике возрастные пирамиды населения России 1939 и 1999 годов, на которых отпечатались все главные демографические события XX столетия.

На возрастной пирамиде 1939 года хорошо видна асимметрия ее мужской и женской частей для поколений, родившихся примерно до 1900 года, — следы кровопролитных Первой мировой и Гражданской войн. Нижняя часть пирамиды 1939 года симметрична — молодые поколения не участвовали в военных событиях. Но их поджидала новая война. На пирамиде 1999 года хорошо видно, как впоследствии резко истощилась мужская часть поколений, родившихся примерно до 1928 года и воевавших в 1941–1945 годах. Асимметрия, хотя и не столь сильная, видна и у более молодых поколений, родившихся после 1928 года, но на этот раз ее причина — более высокая смертность мужчин в мирных 1960–1990-х годах (в 1959 году такой асимметрии в нижней части пирамиды не было).

В нижней части пирамиды 1939 года на рисунке 21.8 — два провала, следствия падения рождаемости в военно-революционные годы и в период коллективизации и голода начала 1930-х. На пирамиде 1999 года бросается в глаза новый провал, возникший в годы Второй мировой войны из-за снижения рождаемости в 1941–1948, а особенно — в 1942–1945 годах. Самый же большой спад пришелся на 1943–1944 годы, когда число рождений снизилось в два раза по сравнению с предвоенным уровнем и было минимальным за последние 100–150 лет. О глубине этого спада можно судить по тому, что, скажем, в 1989 году численность 44-летних женщин была ниже численности 78-летних!

Хотя компенсационный подъем рождаемости после войны был в России не столь значительным, как в других воевавших странах, заметная разница в численности соседних поколений породила сильные демографические волны, влияние которых ощутимо до сих пор. Более отдаленные потрясения в значительной степени были сглажены, «забыты» возрастной пирамидой конца века, но последствия Второй мировой войны все еще ощущались очень сильно. Падение рождаемости в военные годы дважды напомнило о себе — в 1960-х и в 1990-х годах, и это —

Рисунок 21.8. Возрастные пирамиды населения России на начало 1939 и 1999 годов

1 — поколения, особенно пострадавшие в Первой мировой и Гражданской войнах; 2 — снижение рождаемости в годы Первой мировой и Гражданской войны и в годы военного коммунизма; 3 — компенсационное повышение рождаемости после окончания Гражданской войны в эпоху НЭПа; 4 — поколения, особенно пострадавшие во

Второй мировой войне; 5 — снижение рождаемости и повышение младенческой смертности в период коллективизации и голода 1933 года; 6 — компенсационное повышение рождаемости после окончания голода и следствие запрещения абортов в 1936 году; 7 — падение рождаемости в годы Второй мировой войны; 8 — компенсацион-

ный рост рождаемости в послевоенные годы; 9 — демографическое эхо Второй мировой войны; 10 — повышение рождаемости вследствие введения мер семейной политики; 11 — подъем рождаемости в период перестройки и антиалкогольной кампании; 12 — снижение рождаемости в 1990-х годах.

не последнее напоминание. Малочисленные когорты 1990-х снова приведут к падению чисел рождений во втором десятилетии XXI века.

Порожденные войнами и другими катастрофами, а также их «эхом» демографические волны усложняют экономическую и социальную жизнь. Прохождение больших когорт вслед за малыми создает дополнительное напряжение в обществе и отражается на судьбе самих поколений. Малые поколения имеют более легкую социальную судьбу: их встречают менее загруженные роддома, детские сады, школы, у них меньше конкуренция при поступлении в высшие учебные заведения, более благоприятны перспективы для профессиональной карьеры и при выборе брачного партнера. Но вскоре приспособившиеся к ним социальные институты оказываются недостаточно развитыми, а каналы социальной мобильности — слишком узкими для приема идущих вслед больших поколений, и все общество оказывается в трудном положении. Любое экономическое и социальное планирование и прогнозирование должно учитывать предстоящие волнообразные движения жизненного потенциала населения и его составных частей. В той мере, в какой это возможно, надо «гасить» набегающие волны, когда же это невозможно — приспосабливаться к ним.

Практика же нередко игнорирует это требование. Тот факт, что перепад в численности поколений между 1987 и 1994 годом был гораздо резче и глубже, чем между 1961 и 1967-м, — результат недальновидных пронаталистских мер 80-х годов, вследствие которых часть рождений конца 80-х — начала 90-х реализовались раньше времени и переместились на середину 1980-х. Но до середины 80-х годов шел рост числа потенциальных матерей. С 1969 по 1983 год в России число женщин самых активных материнских возрастов — от 20 до 30 лет — увеличилось более чем в полтора раза. Это само по себе обеспечивало рост числа рождений. Затем число потенциальных матерей стало сокращаться, а рост числа рождений продолжался, в основном, видимо, за счет мер демографической политики. Но при этом выбирались резервы будущих лет. Если бы меры демографической политики, которые заведомо могли иметь лишь кратковременный эффект, были предприняты не в первой, а во второй половине 80-х годов, выемку 90-х удалось бы значительно сгладить.

Хотя Россия второй половины XX века уже не знала демографических катастроф, подобных тем, какие потрясали ее в первой половине столетия, оставшиеся после этих катастроф шрамы сглаживались (и сглаживаются до сих пор) медленно. Тем не менее, если в дальнейшем стране удастся избежать резких потрясений, края возрастной пирамиды будут постепенно выравниваться и на первый план будут выступать эволюционные процессы, ведущие к дальнейшему постарению населения. Ниже мы вернемся к обсуждению последствий демографического старения и порождаемых им проблем, с которыми Россия столкнется в будущем, но вначале попытаемся подвести общий демографический итог российского XX века.

21.6
21.6.1

Депопуляция
Рост населения России в XX веке: четыре провала

Европейская и мировая история показывают, что общие для всех процессы демографической модернизации и утверждения нового типа воспроизводства населения в разных странах и в разных историче-

ских обстоятельствах протекают по-разному. Свой особый путь, к сожалению, как мы видели, очень трудный, через многочисленные катастрофы и кризисы, прошла и Россия. Особенности этого пути крайне неблагоприятно сказались на демографических итогах российского XX столетия и значительно усугубили и без того нелегкие демографические проблемы, с которыми столкнулись на рубеже тысячелетий все постпереходные страны. Россия оказалась в авангарде государств, чье население сокращается или будет сокращаться в ближайшее время.

На первый взгляд, этот результат может показаться неожиданным. Россияне привыкли к росту численности населения своей страны. За XX век население России в ее нынешних границах выросло более чем вдвое — с 67,5 млн. по всеобщей переписи населения 1897 года до 145 млн. в 2000 году — это ли не показатель демографического благополучия? Но чтобы верно судить об успехах или неудачах демографического пути России за сто лет, надо присмотреться к нему более внимательно и отметить, что четыре раза за столетие рост населения прерывался и оно несло значительные потери (рис. 21.9).

Во всех четырех случаях эти потери были результатом одновременного резкого повышения числа смертей и снижения числа рождений, что приводило к появлению отрицательного естественного при-

Рисунок 21.9. Численность населения России, 1900–2000

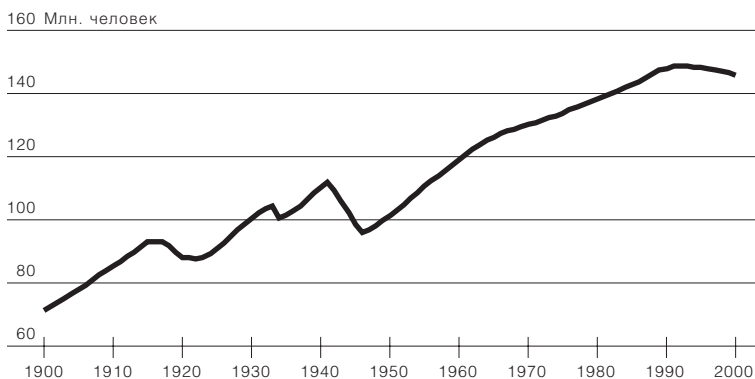
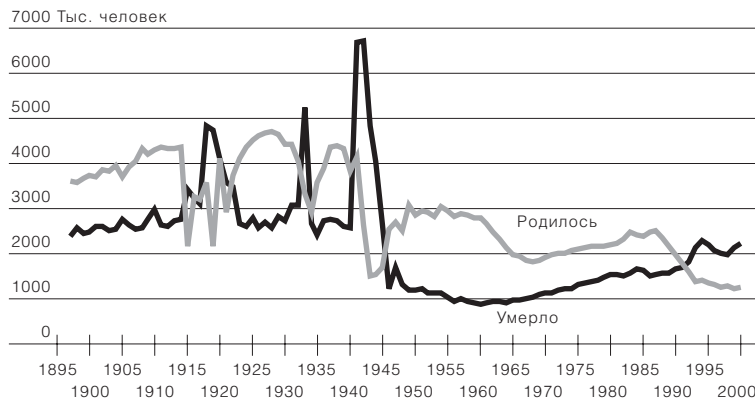

Рисунок 21.10. Родившиеся и умершие в России, 1895–2000

роста населения (рис. 21.10), в некоторых случаях он усугублялся также и эмиграцией за пределы России.

Как мы видели, наиболее трудной для России оказалась первая половина XX века, которая ознаменовалась чередой тяжелых демографических катастроф, вызванных двумя мировыми и Гражданской войнами, социальными потрясениями 1910–1930-х годов, политическими репрессиями. Именно на этот период приходится три из четырех демографических провалов минувшего века. Все они были отмечены, прежде всего, резкими подъемами смертности, которые сводили на нет накопившийся годами прирост населения.

Но последний, четвертый провал — в конце XX века — имел иную природу. Его привязка к 1990-м годам основана на наблюдении только видимой части айсберга и поэтому, в известном смысле, условна. В латентном виде депопуляция началась намного раньше, и в той мере, в какой она обусловлена падением рождаемости, не вытекает из российской исторической специфики. К российско-советским особенностям этого периода относится только высокая смертность, но, внося немалый вклад в сокращение численности населения, решающую роль в нарастающем обезлюдении России на этот раз играет не она.

21.6.2 Переход к отрицательному естественному приросту

Демографический переход в большинстве стран обычно сопровождается резким ускорением роста населения. Даже если оставить в стороне современный «взрыв» населения в развивающихся странах, в этом убеждает опыт большинства европейских государств. Были отдельные исключения, такие как Франция, но большинство стран Западной Европы прошло через период ускорения роста населения во второй половине XIX века, когда смертность в них уже заметно снизилась, а рождаемость все еще оставалась относительно высокой. Между 1850 и 1900 годами население Европы (без России) выросло почти в полтора раза, при том что несколько десятков миллионов европейцев эмигрировало за океан.

Российский демографический взрыв должен был начаться уже в XX веке и обещал быть значительно более мощным, потому что исходный уровень рождаемости в России в 1900 году был намного выше, чем в Европе начала XIX столетия. Признаки такого взрыва, видимо, уже и наблюдались здесь в конце XIX — начале XX века, когда кривая роста населения круто устремилась вверх. Надо заметить, что необычно быстрый демографический рост в это время не был таким уж благодеянием для России. Он способствовал обострению многочисленных и без того сложных проблем предреволюционной России и объективно ставил страну перед необходимостью искать путей ускорения модернизации, сокращения сроков демографического перехода и снижения темпов роста населения. Наилучшим вариантом развития в этих условиях было бы быстрое снижение рождаемости при непрерывно снижающейся смертности. Если бы этот вариант реализовался, темпы роста населения замедлялись бы постепенно, так как имевшийся в России потенциал демографического роста долгое время противодействовал бы их быстрому снижению даже при падении рождаемости.

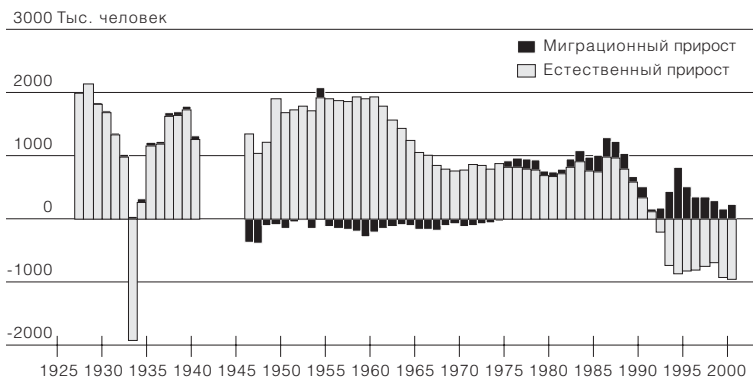
Однако реализовался другой, намного худший, вариант развития. Потенциал демографического роста в России и в самом деле был высок, и это проявлялось в том, что, несмотря на резкое снижение рождаемости при переходе от женских поколений, родившихся в последние десятилетия XIX века, к поколениям 1910–1930 годов рождения, коэффициент рождаемости оставался довольно высоким (более 20‰) почти до середины 1960-х годов, а вместе с тем сохранялся и высокий (свыше 10‰) коэффициент естественного прироста населения. Но весь демографический выигрыш, как в Средние века, съедался периодическими всплесками смертности, которые и свели на нет несостоявшийся российский демографический взрыв. Демографические катастрофы XX века лишили Россию значительного прироста населения, которым обычно сопровождаются ранние этапы демографического перехода, разочаровавшегося в России в первой половине века. Сейчас эти этапы остались позади, наверстать упущенное уже невозможно.

Демографические тенденции второй половины века во многом были продолжением долговременных эволюционных тенденций, сложившихся в его первой половине на фоне периодических резких потрясений, а отчасти — просто «зализыванием ран», полученных тогда.

Хотя относительно высокий естественный прирост населения России сохранялся еще примерно два десятилетия после войны, это было следствием накопившейся инерции, особенностей возрастной структуры населения, в которой был аккумулирован потенциал демографического роста. По мере исчерпания этого потенциала естественный прирост начал снижаться. Вплоть до 1990-х годов рост населения России обеспечивался, в основном, его естественным приростом (рис. 21.11), но уже довольно давно — лишь благодаря стечению обстоятельств, которое, несмотря на то, что оно предопределило выгодное соотношение числа родившихся и умерших, никак нельзя назвать счастливым.

В 1960–1980-х годах в стране было сравнительно мало пожилых людей, от которых в основном зависит число умерших. Жившие в это время люди старших возрастов принадлежали к поколениям, родившимся в конце XIX — начале XX века и перемолотым катастрофическими событиями первой половины XX столетия. Из них не многие дожили до старости. А число родившихся детей со второй половины 60-х все больше зависело от относительно многолюдных послевоенных поколе-

Рисунок 21.11. Компоненты прироста населения России, 1927–2000

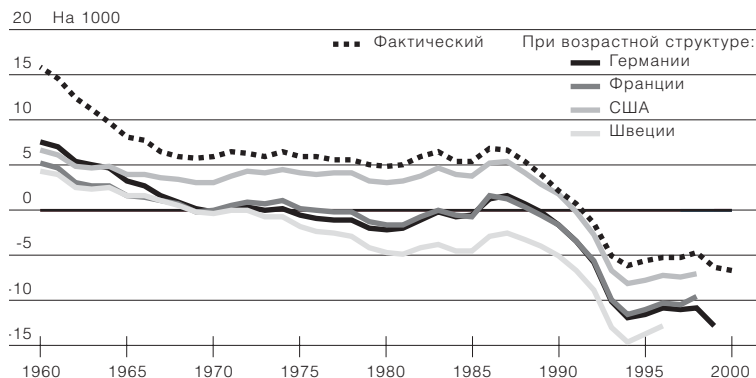

ний матерей. Поэтому, несмотря на снижение возрастных интенсивностей рождаемости, абсолютное число родившихся было значительным и росло, устойчиво превышая число умерших.

Если бы население России имело в это время возрастную структуру типичных европейских стран, то при фактически наблюдавшихся российских возрастных показателях рождаемости и смертности отрицательный прирост населения появился бы в России не в 1992 году, а уже в 70-х — начале 80-х годов, хотя тогда рождаемость была все же не столь низка, как в конце столетия. Только при наличии возрастной структуры населения США, более молодой — но не из-за ранней смертности старших поколений, как в России, а вследствие более высокой рождаемости, — положительный естественный прирост в России мог бы поддерживаться до начала 1990-х годов (рис. 21.12).

В 1990-х годах в пожилой возраст стали вступать люди, родившиеся в 1930 году и позднее. Они не участвовали в войнах, жили в относительно спокойных условиях, доля доживших до старости из их числа была намного большей, чем у предшествующих поколений. Тогда-то и дал о себе знать давно существовавший в скрытом виде режим суженного воспроизводства, число смертей стало превышать число рождений, естественный прирост населения России стал отрицательным. Резкое падение рождаемости в 1990-х годах лишь усугубило и без того неблагоприятное положение с его воспроизводством. Но даже если бы затем и удалось вернуться к показателям рождаемости, существовавшим до этого падения, скажем к показателям 1965–1985 годов, это не привело бы к восстановлению положительного естественного прироста населения страны. Возврат же к более высокой рождаемости конца 1930-х или хотя бы начала 1950-х годов, когда больше половины населения России было сельским и демографический переход еще не завершился, сейчас маловероятен. Естественная убыль населения России однозначно обусловлена тем режимом воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости, который сложился в России уже к 1960-м годам.

Рисунок 21.12. Фактический естественный прирост населения России и гипотетический естественный прирост при возрастной структуре населения некоторых стран и российских повозрастных уровнях рождаемости и смертности, 1960–2000

Исчерпание возможностей роста или даже поддержания неизменной численности российского населения за счет его естественного прироста заставляет задуматься о роли миграции как фактора демографического развития России. В новых условиях эта роль становится совершенно иной, чем прежде, на что отчасти указывают и реальные тенденции миграции последней четверти XX века.

В бывшем СССР, как и в дореволюционной Российской империи, преобладали центробежные миграции, не всегда добровольные, обусловленные многовековой восточнославянской колонизацией сопредельных территорий. Население европейской части страны двигалось от центра, в основном на восток и юг бывшего Союза — как в Сибирь и на Дальний Восток, и сегодня остающиеся частями России, так и в те республики, которые после распада СССР превратились в независимые государства. Эти тенденции сохранялись и в первые послевоенные десятилетия, миграция в известной мере ослабляла рост населения России, так как преобладал его отток в другие республики СССР.

Однако постепенно положение менялось. Уже в 1960-х годах восточное направление потеряло прежнее значение, хотя движение на юг еще продолжалось — особенно из Сибири, вопреки усилиям государства по ее заселению. РСФСР в целом все еще отдавала население другим республикам Союза. Перелом наступил в 70-х годах — быстро стал уменьшаться приток населения в южные республики СССР и увеличиваться в центр и на восток России. Начиная с 1975 года миграционный отток сменился миграционным притоком (это были в основном возвратные миграции), и с тех пор рост населения России шел уже за счет как естественного, так и миграционного прироста, который, как правило, не превышал четверти общего прироста. Соответственно, миграционный прирост перестал быть отрицательным и уже не вычитался из естественного прироста, а прибавлялся к нему (рис. 21.11).

Таблица 21.7. Изменение численности наличного населения России и его компоненты, 1951–2000

	Численность населения в конце периода, тыс. человек	Среднегодовые темпы прироста, ‰	Общий прирост, тыс. человек	В том числе	
				естественный	миграционный
1951–1955	112 266	17,5			
1956–1960	120 766	14,7	8500	9515	-1015
1961–1965	127 189	10,4	6423	7067	-644
1966–1970	130 704	5,5	3515	4180	-665
1971–1975	134 690	6,0	3986	4180	-195
1976–1980	139 028	6,4	4338	3730	607
1981–1985	143 835	6,8	4807	3939	869
1986–1990	148 543	6,5	4707	3649	1058
1991–1995	147 976	-0,8	-567	-2536	1969
1996–2000	145 185	-3,8	-2791	-4141	1350

Привыкшая за несколько столетий к центробежным миграциям Россия все больше сталкивалась с новыми, центростремительными тенденциями, что стало особенно заметно в 1990-х годах, после распада СССР. С 1992 года, когда началась естественная убыль населения, миграционный приток стал единственным источником роста его численности. Но интенсивность этого притока даже в пиковый 1994 год была

не столь велика, чтобы полностью компенсировать естественную убыль россиян, в последние же годы столетия регистрируемая миграция снизилась в несколько раз (хотя, возможно, существовала значительная нерегистрируемая иммиграция). Основной миграционный обмен, как и в советское время, шел с бывшими республиками СССР, в притоке резко преобладало русское (более 67% чистой миграции за 1992–2000 годы) и русскоязычное население, так что иммиграция последнего десятилетия минувшего века была, по преимуществу, возвратной.

Как следует из рисунка 21.11 и таблицы 21.7, в последнем десятилетии минувшего века иммиграция превратилась в заметный фактор, противодействующий отрицательному естественному приросту населения России, хотя нейтрализовать его полностью она никогда не могла, а в последние годы столетия ее компенсирующее воздействие существенно уменьшилось.

Миграционные процессы 1990-х годов были не столько ответом на совершенно новую демографическую ситуацию, сложившуюся в России, сколько проявлением их собственной уже существовавшей инерции, продолжением и ускорением сложившихся к этому времени тенденций, давно нараставшего центростремительного движения, о котором говорилось выше. Оно было закономерным следствием развития периферийных районов бывшего Союза, укрепления местных элит, увеличения численности местных квалифицированных кадров и нарастающей конкуренции на рынках труда, а во многих случаях и возросшего демографического давления. Уже в 1979–1988 годах реэмиграция охватила большинство республик, а в тех из них, куда продолжалась эмиграция (Украина, Белоруссия, Молдавия и Прибалтика), ее темпы сильно замедлились. В 1990-х годах все эти тенденции стали намного более выраженными, но не более того.

Однако уже к концу 1990-х годов стало ясно, что даже если какие-то инерционные силы продолжают действовать, объективные условия, в которых протекало демографическое развитие России в послевоенные десятилетия, существенно изменились. На том берегу, к которому причалила Россия на исходе второго тысячелетия, условия игры будут уже совсем иными, и миграция, причем не только из бывших республик СССР, надолго приобретет значение важнейшего фактора российской демографической динамики.

22.1 Можно ли предсказывать на 100 лет вперед?

Для того чтобы понять, в каких демографических условиях придется жить России в XXI веке, была разработана серия долгосрочных аналитических прогнозов — на 50 и даже на 100 лет¹. Попытка предвидеть демографическое развитие страны на 100 лет вперед может показаться слишком смелой, но она не противоречит мировой практике и не лишена определенных оснований, ибо накопленные к настоящему времени представления о демографических процессах и тенденциях позволяют предвидеть и предсказывать очень многое.

В частности, Отдел народонаселения ООН разрабатывает сверхдолгосрочный прогноз изменения численности населения мира, его регионов и отдельных стран до 2300 года (World Population 2003). Разумеется, нельзя относиться к такому прогнозу как к попытке в деталях предвидеть демографическую динамику на 300 лет вперед. Для этого сейчас нет реальных оснований. Смысл подобных перспективных оценок заключается в том, чтобы получить самое общее представление о возможных изменениях мировой, региональной и страновой демографической ситуации при определенных допущениях, касающихся базовых демографических процессов, таких как рождаемость, смертность и миграции.

То же можно сказать и о нашем прогнозе для России, разработанном в Центре демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ЦДЭЧ). Он составлен не для того, чтобы точно предсказать, как в действительности будет меняться численность и возрастная структура населения страны, а для того, чтобы проанализировать возможные траектории этих изменений при различных более или менее вероятных сценариях демографического развития и при отсутствии новых демографических катастроф.

Наш прогноз относится к категории так называемых вероятностных прогнозов. В отличие от прогноза ООН, в котором сценарии будущего задают некоторые дискретные значения уровней рождаемости и смертности, в прогнозных сценариях ЦДЭЧ определяются лишь верхняя и нижняя границы возможных изменений уровней рождаемости, смертности и миграции (сценарные переменные). Сам же прогноз представляет собой объединенный результат серии стохастических имитаций возможных комбинаций этих сценарных переменных. Каждая такая имитация есть независимый прогноз для комбинации сценарных переменных, возникающей в случайном порядке при условии нормального распределения вероятностей появления любого из сценариев, их изменений².

1

Здесь используются в основном прогнозы, разработанные в Центре демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН в рамках проекта «Демографическое развитие России в глобальном контексте: анализ и прогноз», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (грант № 02-06-80242) (Вишневский, Андреев 2001; Население России 2001: 136–151; Население России 2002: 151–193).

2

Нами использован метод стохастического прогнозирования в варианте, предложенном в работах В. Лутца, В. Сандерсона и С. Щербова (Lutz, Sanderson, Scherbov 2001: 543–545; Lutz, Saarihuoma, Sanderson, Scherbov 2000; Lutz, Sanderson, Scherbov 1997: 803–805; Lutz, Scherbov 1998: 1–17).

При таком подходе преодолевается субъективизм при объединении различных не жестко зависящих друг от друга сценариев изменений каждой переменной, а результаты прогноза указывают не на одну единственную траекторию развития, а на «пучок» траекторий, каждая из которых может реализоваться с большей или меньшей вероятностью. Все вместе они покрывают область значений, за пределы которой с вероятностью 0,90 не выйдут будущие параметры воспроизводства населения России.

Для получения достаточно надежных результатов была выполнена 1000 стохастических имитаций прогноза.

22.2 Прогнозные сценарии
22.2.1 Изменения рождаемости и смертности

В таблице 22.1 представлены максимальные и минимальные значения коэффициента суммарной рождаемости на начало, середину и конец XXI века, принятые в прогнозах ЦДЭЧ и ООН. Эксперты ООН фиксируют три дискретные траектории возможных изменений рождаемости, проходящие через указанные в таблице точки (высокий, средний и низкий сценарии), прогнозисты ЦДЭЧ указывают лишь верхнюю и нижнюю границы области возможных изменений (рис. 22.1).

Таблица 22.1. Коэффициент суммарной рождаемости в России по прогнозным сценариям ЦДЭЧ и ООН

Сценарии	Автор сценария	2000–2005	2045–2050	2095–2100
Средний	ООН	1,14	1,85	2,08
Высокий	ЦДЭЧ	1,35	2,14	2,50
	ООН	1,17	2,35	2,35
Низкий	ЦДЭЧ	1,13	0,95	0,95
	ООН	1,11	1,35	1,85

Как следует из таблицы 22.1, средний вариант прогноза ООН предполагает, что к концу века рождаемость в России достигнет уровня простого замещения поколений (с учетом снижения смертности к тому времени он определяется в 2,08 рождения на одну женщину), по высокому варианту прогноза рождаемость существенно превысит этот уровень, по низкому — не достигнет его, хотя и заметно повысится, по сравнению с теперешним уровнем.

Сценарные варианты ЦДЭЧ допускают изменения коэффициента суммарной рождаемости в расширяющемся интервале, причем расширение видится возможным в основном за счет постепенного повышения верхнего предела изменений до 2,5 рождений на одну женщину, тогда как снижение нижнего предела, даже если бы оно и имело место в нынешнем десятилетии, после 2010 года не предполагается. Принятый в качестве минимального нижнего предела уровень 0,95 ребенка на одну женщину означает, что 30% женщин вообще бездетны, причем для 25% — отказ от рождения детей — сознательное решение.

Рисунок 22.1. Сценарии изменений коэффициента суммарной рождаемости на период до 2100 года

В отношении изменений ожидаемой продолжительности жизни эксперты ООН ограничились единственным сценарием: предполагается, что она будет постепенно повышаться и достигнет в России к концу XXI века 80 лет для мужчин и 85 для женщин (табл. 22.2).

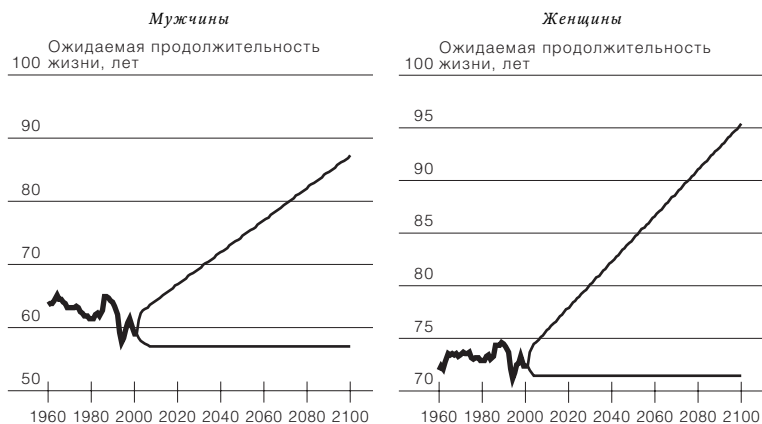
Таблица 22.2. Ожидаемая продолжительность жизни в России по прогнозным сценариям ЦДЭЧ и ООН

Сценарии	Автор сценария	2000–2005	2045–2050	2095–2100
Мужчины				
Едиственный	ООН	60	71	80
Высокий	ЦДЭЧ	61,2	73,8	86,5
Низкий	ЦДЭЧ	58,2	57,0	57,0
Женщины				
Едиственный	ООН	73	77	85
Высокий	ЦДЭЧ	61,5	83,9	94,8
Низкий	ЦДЭЧ	59,8	71,5	71,5

Прогнозные гипотезы ЦДЭЧ рассматривают большой диапазон возможностей (табл. 22.2, рис. 22.2). Они не исключают и некоторого роста смертности в ближайшие годы, хотя все же предполагается, что он не может быть неограниченным. При самом худшем варианте пороговой представляется ситуация, когда разрыв продолжительности жизни мужчин и женщин достигнет 15 лет (примерно в 2008 году). При этом продолжительность жизни мужчин опустится до 57 лет и станет ниже, чем в 1955 году. В дальнейшем рост смертности взрослых продолжится, но будет очень медленным, а смертность детей по-прежнему будет снижаться, так что продолжительность жизни меняться не будет. В конце XXI века она составит у мужчин 57 лет, у женщин — 71,5 года, а коэффициент младенческой смертности сократится до 1,7 на 1000 новорожденных. Этот весьма пессимистический вариант развития очерчивает нижний предел изменений ожидаемой продолжительности жизни.

Ее верхний предел определяется, исходя из оптимистического предположения о том, что в ближайшие годы восстановятся позитивные тенденции динамики продолжительности жизни 1994–1998 годов, а затем продолжительность жизни для мужчин и женщин суммарно будет расти тем же темпом, что в странах Европейского Союза

Рисунок 22.2. Сценарии изменения ожидаемой продолжительности жизни на период до 2100 года

в 1970–2000 годах (прирост на 0,23–0,24 года за 1 год). Предполагается, что темп роста у мужчин будет несколько выше, а у женщин — несколько ниже, чем в странах ЕС, так что к 2050 году разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами не будет превосходить 10 лет. В период 2050–2100 годов сохранится рост продолжительности жизни теми же темпами, и к концу столетия она составит более 87 лет у мужчин и более 95 — у женщин. Это — оптимистический сценарий, предполагающий возможность гораздо больших успехов, чем допускают эксперты ООН.

Коэффициент младенческой смертности по этому предельно оптимистическому сценарию сократится до 0,4 на 1000 новорожденных (рис. 22.3).

Рисунок 22.3. Сценарии изменения младенческой смертности на период до 2100 года

22.2.2

Сценарии внешней миграции

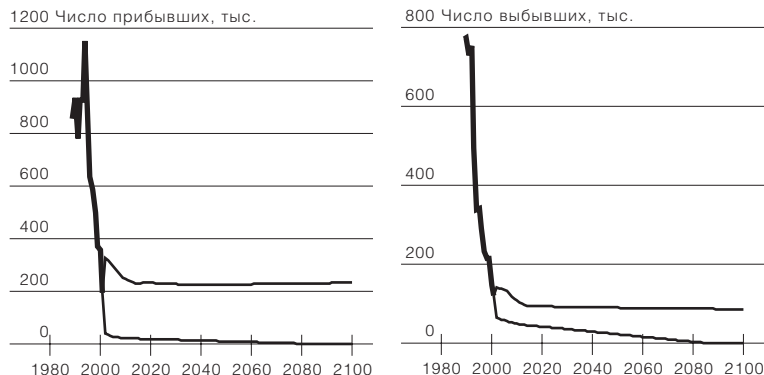
Эксперты ООН в свои сценарных разработках для долговременного прогноза обошли вопрос о миграции молчаливо. В нашем прогнозе используются два способа учета миграции при перспективных исчислениях населения России, которые, в конечном счете, определяют два варианта предлагаемого прогноза: *экстраполяционный* и *стабилизационный*.

Первый из них основан на экстраполяции нынешних тенденций динамики числа прибывающих в Россию и выбывающих из нее, что не предполагает больших изменений в миграционной политике государства. При этом варианте сценарии прогноза различаются деталями экстраполяции в зависимости от оценки природы сокращения объемов миграции в самые последние годы. При определении верхнего предела возможных объемов миграции это сокращение оценивается как кратковременная флуктуация, и предполагается восстановление уровня, существовавшего до 1998 года. При определении нижнего предела, напротив, это сокращение рассматривается как закономерное и необратимое, так что сам этот предел устанавливается на крайне низком уровне и, в соответствии с настроениями некоторой части российского общества, внешняя миграция перестает играть сколько-нибудь заметную роль в динамике численности населения России.

Собственно экстраполяция тенденций миграции охватывает период до 2015 года, а далее допускается, что отношение числа мигрантов к ожидаемой численности населения остается неизменным. Результаты расчетов представлены на рисунке 22.4.

Второй способ учета внешней миграции в долговременном демографическом прогнозе, дающий основание назвать такой прогноз *стабилизационным*, основан на предположении, что в результате стратегической переориентации и перехода к активной политике привлечения мигрантов, ежегодные объемы иммиграции в Россию будут резко повышены. Достигнутый при этом уровень чистой миграции позволит полностью компенсировать убыль населения, неизбежную при экстраполяционной гипотезе, и стабилизировать его численность. При таком

Рисунок 22.4. Максимальные и минимальные числа прибывших и выбывших по экстраполяционным сценариям прогноза

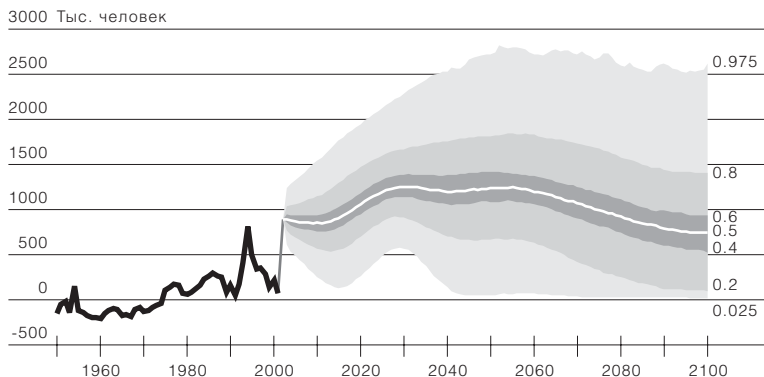

способе расчета объема ежегодной чистой миграции определяются в процессе прогнозирования и потому не представляют собой заранее заданной дискретной величины, а принадлежат к области значений, каждое из которых реализуется с той или иной вероятностью. Полученные в ходе прогнозных расчетов объемы чистой миграции, необходимые для поддержания численности населения России на уровне 144 млн. человек, в зависимости от того, какой сценарий экстраполяционного прогноза, служащего «базовым» для расчета стабилизирующей миграции, реализуется, представлены в таблице 22.3 и на рисунке 22.5.

Таблица 22.3. Чистая миграция в Россию: фактическая в 1950–2000 годах и по стабилизационному прогнозу на 2000–2100 годы при разных доверительных вероятностях, в среднем за год, тыс. человек

	Медиана	60%-й доверительный интервал	95%-й доверительный интервал
1950–1974	-114	-114	-114
1975–1999	229	229	229
2000–2024	879	615–1170	307–1536
2025–2049	1222	778–1730	291–2458
2050–2074	1160	561–1789	52–2750
2075–2099	841	178–1501	24–2591

Рисунок 22.5. Чистая ежегодная миграция в Россию: фактическая в 1950–2000 и по стабилизационному прогнозу на 2000–2100 годы при разных доверительных вероятностях

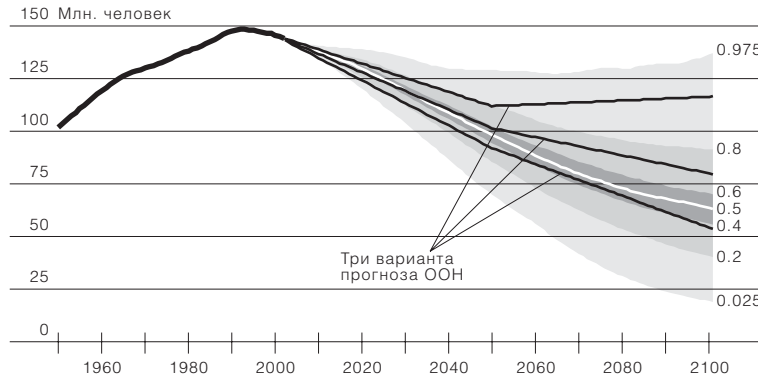
Как и следовало ожидать, при *экстраполяционных* сценариях миграции численность населения России быстро убывает. Если на начало 2001 года она составляла 146 млн. человек, то к началу 2051 она с 50-процентной вероятностью будет на уровне 98 млн., а к началу 2101 года — на уровне 64 млн. человек.

С повышением достоверной вероятности увеличивается и возможный разброс значений. С 60-процентной вероятностью можно утверждать, что численность населения России к началу 2101 года будет находиться в вилке значений от 40 млн. до 91 млн. человек, и только в 5% случаев она может опуститься ниже 19 млн. или превысить 137 млн. человек (табл. 22.4).

Таблица 22.4. Численность населения России: фактическая до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных достоверных вероятностях, млн. человек

	Медиана		60%-й достоверный интервал		95%-й достоверный интервал	
	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
1950	102	102	102	102	102	102
1975	134	134	134	134	134	134
2000	146	146	146	146	146	146
2025	125	144	119–131	144	112–137	144
2050	98	144	86–112	144	70–129	144–145
2075	76	144	58–98	144	36–130	144–149
2100	64	144	40–91	144	19–137	144–167

Рисунок 22.6. Численность населения России: фактическая до 2002 года и перспективная до 2100 года по экстраполяционному прогнозу ЦДЭЧ при разных достоверных вероятностях и по прогнозу ООН

Оценки ООН оказываются достаточно близкими к представленным в таблице 22.4 результатам экстраполяционного прогноза ЦДЭЧ, хотя несколько смещены в сторону более высоких значений и потому выглядят несколько более оптимистичными. По низкому сценарию ООН население России к 2101 году сократится до 53 млн. человек, по высокому — до 116 млн., по среднему — до 80 млн. Сравнение двух прогнозов представлено на рисунке 22.6.

22.3.2 При миграции, способной стабилизировать численность населения, более половины россиян составят мигранты и их потомки

Альтернативный *стабилизационный* вариант прогноза ЦДЭЧ, предполагающий высокий уровень чистой миграции, естественно, приводит к иным результатам. Если бы такой вариант полностью реализовался, сокращение численности населения России было бы остановлено, и на протяжении столетия она сохранялась бы неизменной.

Однако, в отличие от предыдущего, этот вариант чреват быстрым изменением состава населения России — в нем будет быстро нарастать доля мигрантов и их потомков (табл. 22.5, рис. 22.7 и 22.8).

Таблица 22.5. Доля мигрантов и их потомков в населении России по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях, %

	Медиана		60%-й доверительный интервал		95%-й доверительный интервал	
	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
2025	2,4	15,3	1,4–3,3	11,4–19,2	0,0–4,4	6,7–24,1
2050	4,9	34,6	3,0–6,6	25,5–43,5	0,2–9,1	15,2–53,8
2075	7,6	50,9	4,7–10,3	37,3–63,5	0,8–14,1	19,1–76,9
2100	11,2	60,8	6,7–15,4	43,5–75,5	1,2–22,3	21,2–89,4

Рисунок 22.7. Доля мигрантов и их потомков в населении России по экстраполяционному варианту прогноза при разных доверительных вероятностях

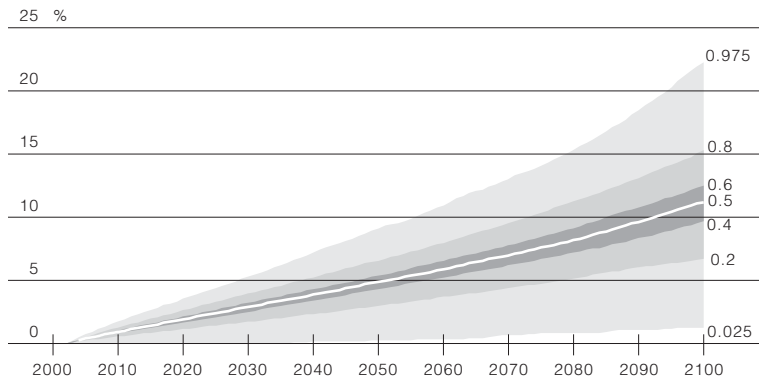
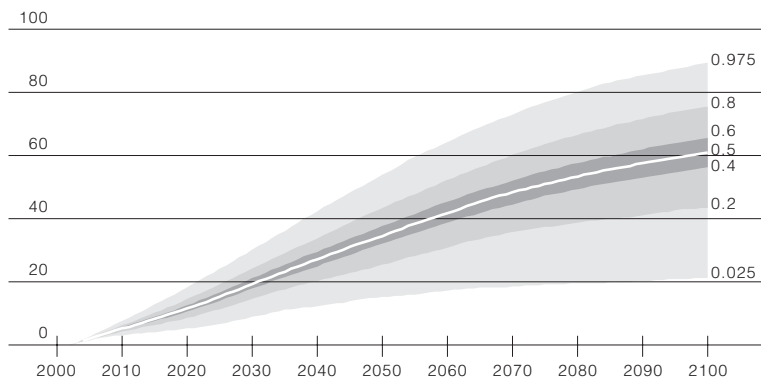

Рисунок 22.8. Доля мигрантов и их потомков в населении России по стабилизационному варианту прогноза при разных доверительных вероятностях

Как видим, при стабилизационной стратегии во второй половине XXI века мигранты и их потомки с высокой степенью вероятности могут превысить половину населения России.

Перспектива существенного изменения состава населения в результате миграции стоит не только перед Россией. Согласно расчетам Отдела народонаселения ООН, выполненным в 2000 году, чистый приток мигрантов, необходимый для того, чтобы предотвратить сокращение численности населения развитых стран после того, как естественный прирост населения в них станет отрицательным, должен привести к тому, что уже к 2050 году доля мигрантов и их потомков в населении во многих из этих стран станет очень высокой (табл. 22.6).

Таблица 22.6. Доля мигрантов, прибывших после 1995 года, и их потомков в общей численности населения некоторых стран в 2050 году при поддержании объемов чистой миграции, необходимых для стабилизации численности населения, %

Страна или регион	Доля
Россия	22,9
Европа	17,5
Европейский Союз (15 государств)	16,5
Великобритания	5,5
Франция	2,9
Германия	28,0
Италия	29,0
США	2,5
Япония	17,7

Источник: *Replacement 2000: 25.*

Согласно нашему, более позднему прогнозу, учитывающему продолжающееся сокращение численности населения России, положение еще больше усугубилось, потребность в притоке иммигрантов для поддержания неизменной численности населения России на уровне 144 млн. человек выросла. Поэтому если бы стабилизационный вариант прогноза реализовался, то доля мигрантов, прибывших после 2000 года, и их потомков в населении России уже к 2050 году приблизилась бы к 35%.

Как было показано в разделе 23.5, исходная численность и демографическая судьба поколений, из которых складывалось население страны к концу минувшего века, были очень сильно затронуты социальными катастрофами или их последствиями, что привело к значительным деформациям возрастной пирамиды населения России.

По мере удаления от периодов демографических потрясений их влияние на возрастную пирамиду будет ослабевать. К 2050 году диспропорции между полами и между смежными возрастными группами при переходе от верхней к нижней части пирамиды будут значительно менее выраженными, чем сейчас, а к 2100 году, при условии отсутствия социальных или природных катаклизмов, контур российской возрастной пирамиды станет еще более сглаженным. Впрочем, при реализации экстраполяционного прогноза следы демографических катастроф XX века будут просматриваться в российской возрастной пирамиде и через сто лет (рис. 22.9). Если же реализуется стабилизационный прогноз, то они станут почти незаметными (рис. 22.10).

Как и при экстраполяционном, так и при стабилизационном прогнозе примерно с 2050 года медианы возрастно-полового распределения населения в значительной степени стабилизируются. По крайней мере, доли трех возрастных групп в населении будут меняться весьма незначительно, о чем, в частности, говорит таблица 22.7 и рисунок 22.11. В наступивший после 2050 года период относительной стабилизации пожилые люди будут составлять по стабилизационному сценарию в среднем за период 31,3%, а по экстраполяционному 34,7% всего населения.

Рисунок 22.9. Возрастная пирамида населения России в 2100 году, экстраполяционный прогноз

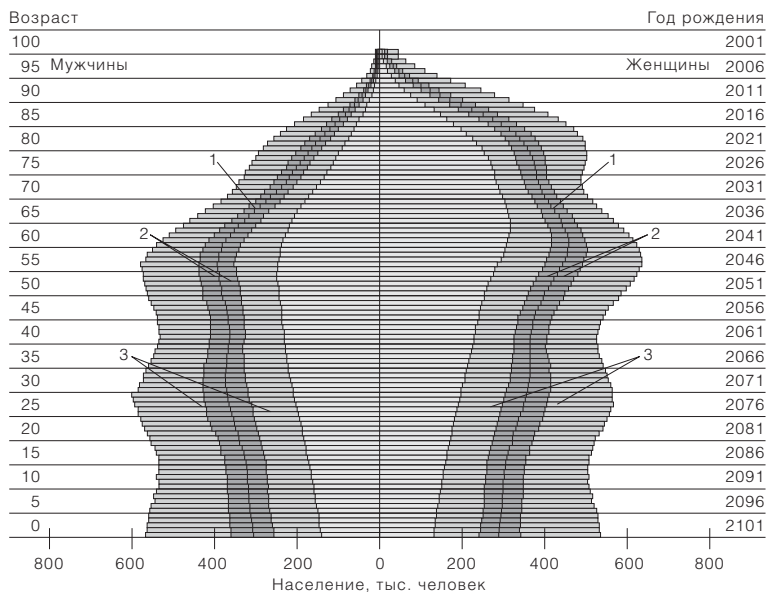
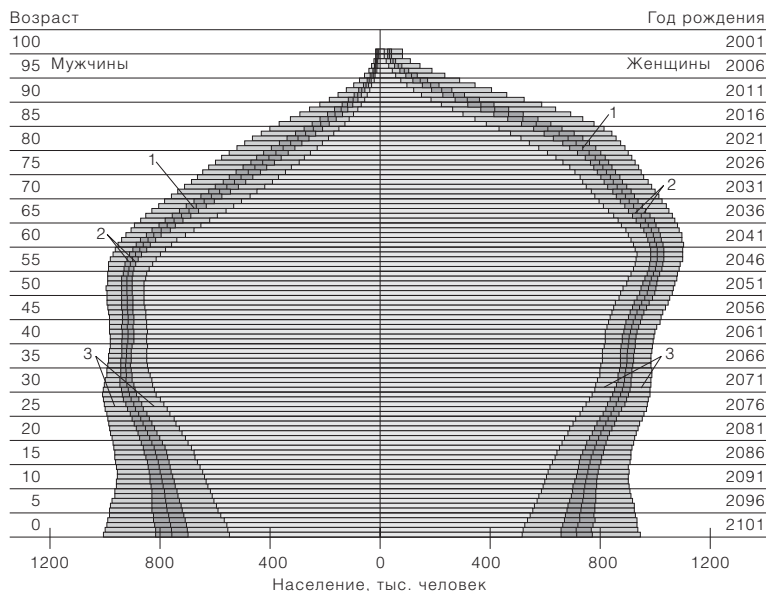

Рисунок 22.10. Возрастная пирамида населения России в 2100 году, стабилизационный прогноз

(1) – медиана, и (3) – 60-процентный до-
 2) – 20-процентный верительные интервалы

Таблица 22.7. Доля трех крупных возрастных групп в населении России, 1939–2100, %

Возрастные группы	1939	1959	1989	2002	Прогноз (медианные значения)			
					2050	2100		
					Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
0–15	38,8	29,9	24,5	18,2	15,4	16,3	15,9	16,5
16–54 (59)	52,5	58,4	57,0	61,3	48,4	51,6	49,2	51,6
54 (59) +	8,6	11,8	18,5	21,5	36,1	32,1	34,6	31,8

Как уже отмечалось, при реализации стабилизационного сценария прогноза резко повышается доля в населении мигрантов и их потомков. Через полвека она с 50-процентной вероятностью приблизится к 35%, а через 100 лет превысит 60%.

И через 50 и через 100 лет эта доля будет особенно высока в рабочих возрастах – 39% и 61% соответственно. Но почти столь же высокой она будет и среди детей – 38% и 59%. Среди лиц пенсионных возрастов к 2050 году мигранты с 50-процентной вероятностью составят 28%, но к концу столетия и в этой группе населения будет уже свыше 56% мигрантов и их потомков (рис. 22.12 и 22.13).

Рисунок 22.11. Доля трех крупных возрастных групп в населении России, 2002-2100, медианные значения прогноза

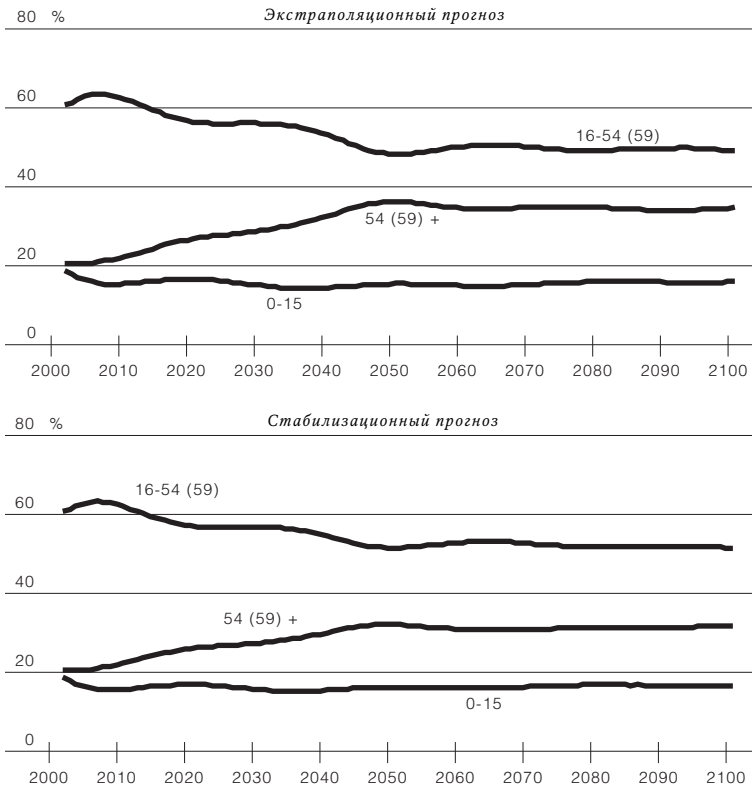

Рисунок 22.12. Мигранты и их потомки в 2050 году, медианные значения стабилизационного прогноза

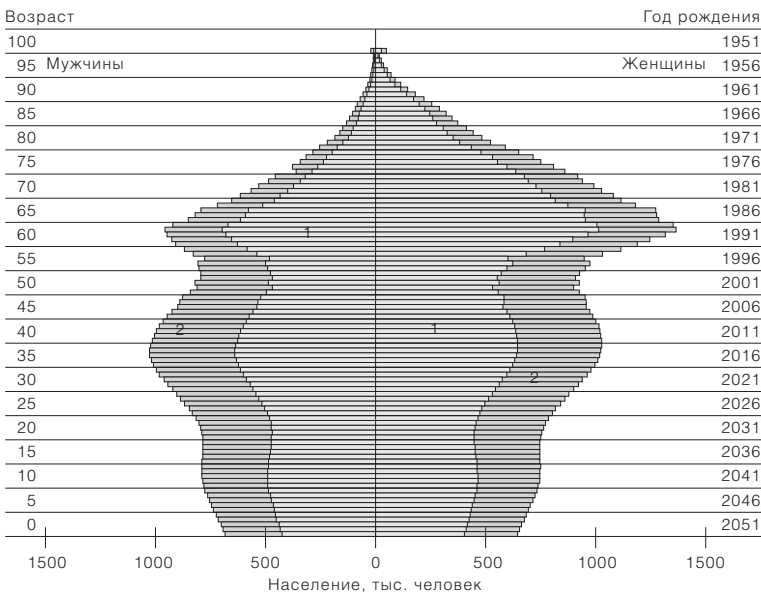
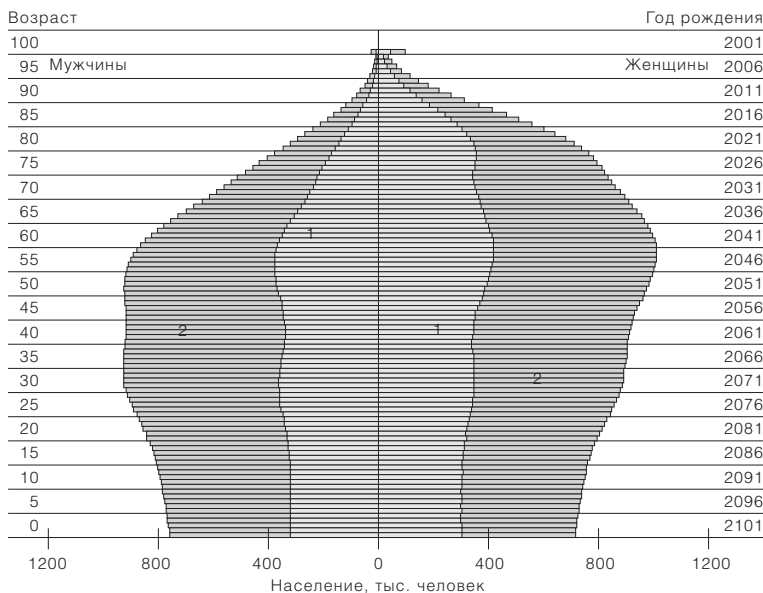

Рисунок 22.13. Мигранты и их потомки в 2100 году, медианные значения стабилизационного прогноза

1 – жители России 2000 года и их потомки; 2 – мигранты и их потомки;

22.4.2

Быстрое сокращение числа потенциальных работников

Потенциальные работники — это прежде всего (хотя и не исключительно) люди в трудоспособном возрасте, к которому при ныне действующем в России пенсионном законодательстве относятся мужчины от 16 до 60 и женщины от 16 до 55 лет.

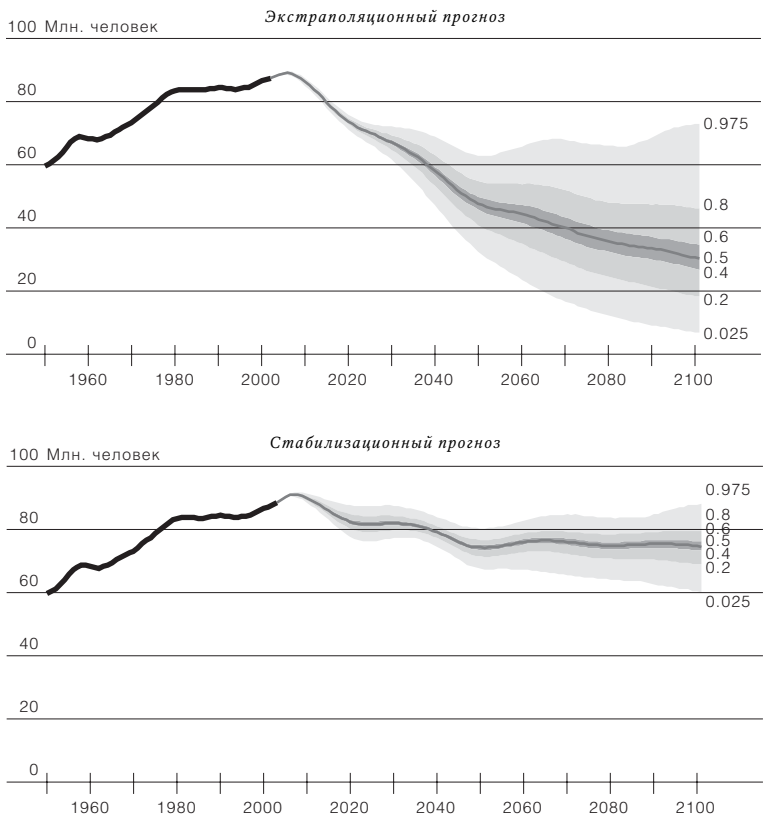
Как следует из рисунка 22.14, число таких людей (далее для краткости — трудоспособного населения) и их доля в населении во второй половине XX века, несмотря на некоторые колебания, в целом все время росли. Этот рост продолжается и в первые годы нового столетия, но он сохранится недолго. Экстраполяционный прогноз предсказывает, что уже с 2006–2007 годов начнется быстрое сокращение абсолютного числа россиян в трудоспособном возрасте. С 50-процентной вероятностью к 2050 году их будет на 45% меньше, чем было в 2000-м, и на 20% меньше, чем в 1950-м, а к 2100 году останется около 35% от того числа трудоспособных, которое было в России в 2000 году.

Если бы удалось реализовать стабилизационный вариант, положение было бы иным (табл. 22.8 и рис. 22.14). Полностью избежать сокращения численности трудоспособного населения невозможно и при этом варианте, что связано с меняющимся возрастным составом населения. Но сокращение было бы намного меньшим. Число лиц в рабочих возрастах и к 2100 году не опустилось бы до уровня 1950. С 50-процентной вероятностью снижение продолжалось бы только до середины века, и к этому времени число трудоспособных сократилось бы менее чем на 15% от уровня 2000 года — примерно до уровня, наблюдавшегося в 1971-м, после чего наступила бы стабилизация.

Таблица 22.8. Численность населения в трудоспособном возрасте: фактическая до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2000 года, млн. человек

	Медиана		60%-й доверительный интервал		95%-й доверительный интервал	
	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
1950	59,7	59,7	59,7	59,7	59,7	59,7
1975	78,7	78,7	78,7	78,7	78,7	78,7
2000	86,5	86,5	86,5	86,5	86,5	86,5
2025	70,1	81,6	68,5–71,4	79,2–84,3	66,5–72,9	76,3–87,5
2050	47,7	74,3	40,9–54,7	71,5–76,7	32,5–62,9	67,6–80,3
2075	37,5	75,3	26,5–49,7	71,2–78,8	14,3–66,7	64,8–84,2
2100	30,6	74,7	18,4–46,4	69,0–79,5	6,9–72,8	60,4–87,8

Рисунок 22.14. Численность населения в трудоспособном возрасте: фактическая до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2000 года

Сокращение абсолютной численности трудоспособного населения в условиях постоянного старения неизбежно ведет к росту нагрузки *пожилыми* (т.е. числа пожилых на 1000 лиц трудоспособного возраста), которого нельзя избежать ни при инерционном, ни при стабилизационном вариантах развития (табл. 22.9 и рис. 22.15).

Таблица 22.9. Число пожилых людей на 1000 трудоспособных: фактическое до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2000 года

	Медиана		60%-й доверительный интервал		95%-й доверительный интервал	
	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
	1950	183	183	183	183	183
1975	270	270	270	270	270	270
2000	346	346	346	346	346	346
2025	493	468	476–512	452–490	455–540	429–520
2050	747	623	638–887	555–700	530–134	479–833
2075	705	595	553–938	498–720	404–615	386–946
2100	703	613	519–1021	483–796	360–1985	356–1127

Экстраполяционный прогноз предсказывает, что с 50-процентной вероятностью нагрузка *пожилыми* за 100 лет вырастет на 103%, а согласно стабилизационному прогнозу этот рост составит 77%. Разница, конечно, заметная, но едва ли ее можно считать принципиальной — даже и при стабилизационном варианте рост нагрузки *пожилыми* очень велик.

Иначе обстоит дело с *общей* демографической нагрузкой — *пожилыми* и детьми в совокупности. Ее рост будет не столь драматичным (табл. 22.10 и рис. 22.16). За минувшие столетия наибольшей она была в 1964–1965 годах — 818 на 1000 трудоспособных. По сравнению с этим уровнем рост к 2100 году с 50-процентной вероятностью составит 23% при экстраполяционном прогнозе и всего 13% — при стабилизационном. По отношению к уровню 2000 года рост будет большим — на 51% по экстраполяционному прогнозу и на 38% — по стабилизационному. Но разница между итоговыми значениями нагрузки по двум вариантам прогноза не слишком велика: общая демографическая нагрузка по стабилизационному варианту в 2100 году на 9% ниже, чем по экстраполяционному (для нагрузки только *пожилыми* эта разница составляет 13%).

Рисунок 22.15. Число пожилых на 1 трудоспособного: фактическое до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2000 года

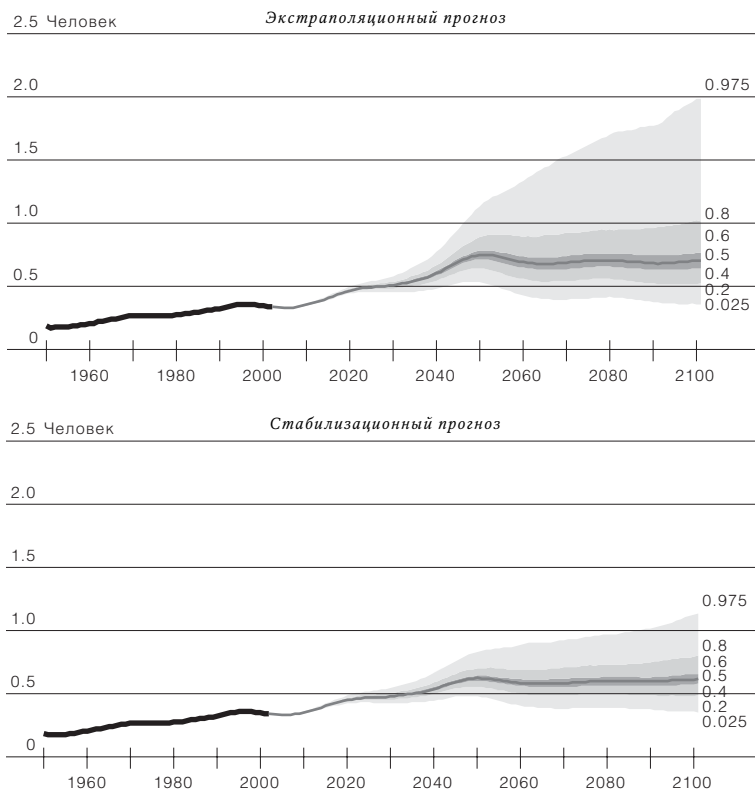
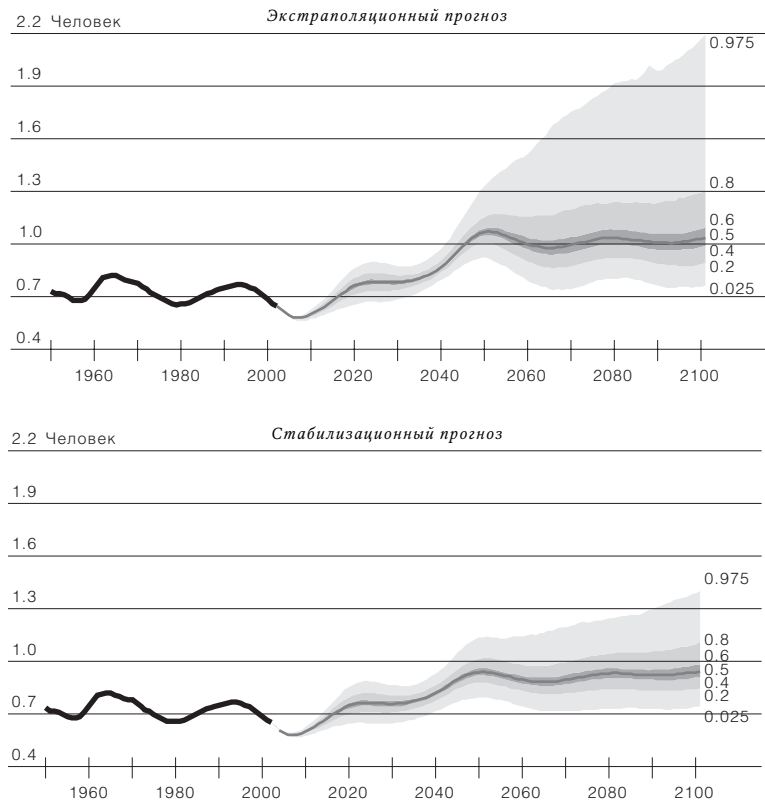

Таблица 22.10. Общая демографическая нагрузка на 1000 трудоспособных: фактическая до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2000 года

	Медиана		60%-й доверительный интервал		95%-й доверительный интервал	
	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
1950	732	732	732	732	732	732
1975	699	699	699	699	699	699
2000	682	682	682	682	682	682
2025	785	764	731–834	707–818	670–897	645–886
2050	1065	937	1004–1153	876–1015	923–1329	792–1133
2075	1025	918	906–1229	832–1026	783–1828	723–1222
2100	1031	938	887–1297	839–1099	754–2165	741–1389

Рисунок 22.16. Общая демографическая нагрузка на 1 трудоспособного: фактическая до 2002 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2002 года

22.4.4

Динамика некоторых возрастных контингентов

При анализе возрастной структуры населения обычно особое внимание привлекает динамика некоторых специфических возрастных групп, таких как дети дошкольного возраста, учащиеся школ, потенциальные студенты, солдаты и т.п. В настоящем разделе мы ограничимся рассмотрением двух таких групп: призывников и потенциальных матерей.

Маловероятно, что до 2100 года в России сохранится армия, основанная на всеобщей воинской повинности и массовом призыве. Тем не менее, вопрос о том, как будет меняться число молодых мужчин, образующих сейчас основу призывного контингента, не может не привлекать внимания в связи с быстро меняющейся демографической ситуацией.

Хотя страна уже сейчас испытывает трудности с комплектованием армии, основанной на всеобщем воинском призыве, пока абсолютная численность призывных контингентов растет и приближается к наиболее высокому за весь послевоенный период значениям. Однако очень скоро этот рост прекратится, после 2006 года он сменится быстрым сокращением и, при сохранении нынешних демографических тенденций, через 10 лет после этого, призывные контингенты сократятся примерно вдвое по сравнению с уровнем 2005–2006 годов, и, по экстраполяцион-

ному прогнозу, Россию ожидает их дальнейшее непрерывное и очень сильное сокращение. Прогноз показывает, что, с 50-процентной вероятностью, уже к середине века потенциальных новобранцев станет меньше, чем их было в 1961–1964 годах, когда в призывной возраст вступили малочисленные мальчики, родившиеся в разгар войны, и почти на 60% меньше, чем их было в 2000 году. Но и на этом сокращение призывных контингентов не остановится, к 2100 году молодых мужчин в возрасте 18–19 лет в России будет всего 681 тыс. — меньше трети от их числа в 2000 году.

Стабилизационный прогноз указывает на совершенно иные перспективы. Быстрого падения числа молодых мужчин после 2006 года избежать нельзя, ибо оно — следствие сокращения числа рождений в 1990-х годах, а в определенной мере — «эхо» и более отдаленных периодов. Но впоследствии реализация стабилизационной стратегии могла бы привести к удержанию численности мужчин призывных возрастов на довольно высоком уровне. Если говорить о медианных значениях показателя, то в 2050 году эта численность по стабилизационному варианту на 57% выше, чем по экстраполяционному, а в 2100 году — в 2,4 раза выше (табл. 22.11 и рис. 22.17).

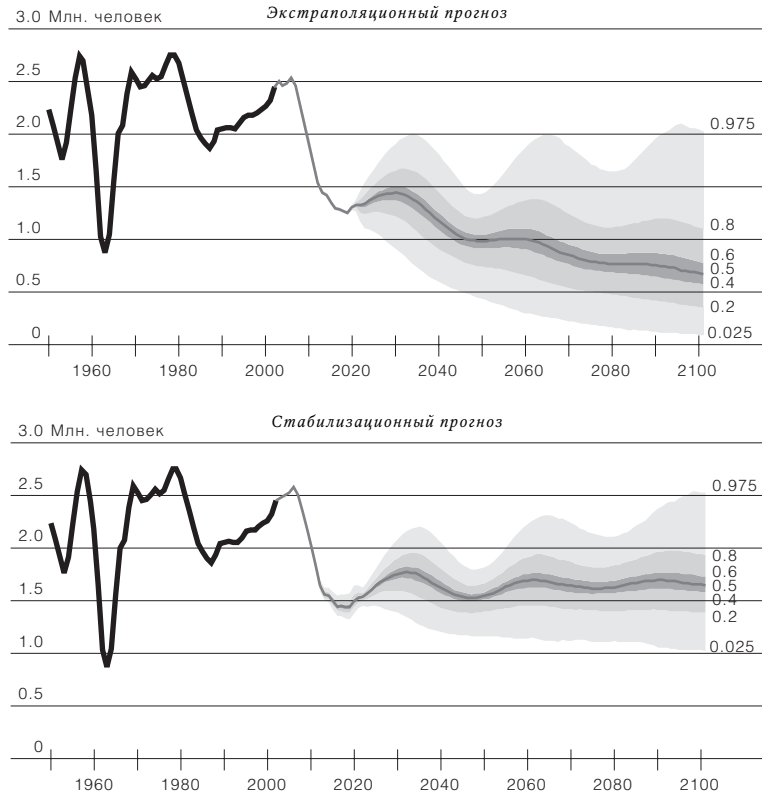
Таблица 22.11. Численность призывных контингентов (мужчины в возрасте 18–19 лет): фактическая до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2000 года, тыс.

	Медиана		60%-й доверительный интервал		95%-й доверительный интервал	
	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
1950	2234	2234	2234	2234	2234	2234
1975	2521	2521	2521	2521	2521	2521
2000	2263	2263	2263	2263	2263	2263
2025	1390	1643	1257–1516	1563–1713	1077–1655	1447–1809
2050	981	1545	740–1204	1394–1666	442–1427	1163–1819
2075	790	1615	505–1144	1412–1819	197–1703	1113–2135
2100	681	1651	360–1113	1390–1945	100–2035	1031–2530

Если военная безопасность страны во многом зависит от числа потенциальных солдат, то ее демографическое будущее очевидным образом связано с числом потенциальных матерей — женщин в репродуктивном возрасте (от 15 до 49 лет), способных родить и воспитать будущие поколения. На протяжении последних 50 лет абсолютное число женщин этой возрастной группы в России, несмотря на некоторые колебания, в основном росло, сейчас велико, как никогда. Но в самые последние годы рост прекратился, а во второй половине нынешнего десятилетия начнется сокращение числа женщин в репродуктивном возрасте, причем по экстраполяционному прогнозу развития демографической ситуации этот спад будет катастрофически быстрым. К 2050 году число потенциальных матерей в России может сократиться практически вдвое, а к 2100 — втрое.

Реализация стабилизационного варианта позволила бы очень сильно повлиять на эту динамику, резко затормозить сокращение до 2050 года (оно составило бы не 50%, а всего 20%) и стабилизировать

Рисунок 22.17. Численность призывных контингентов (мужчины в возрасте 18–19 лет): фактическая до 2002 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2002 года

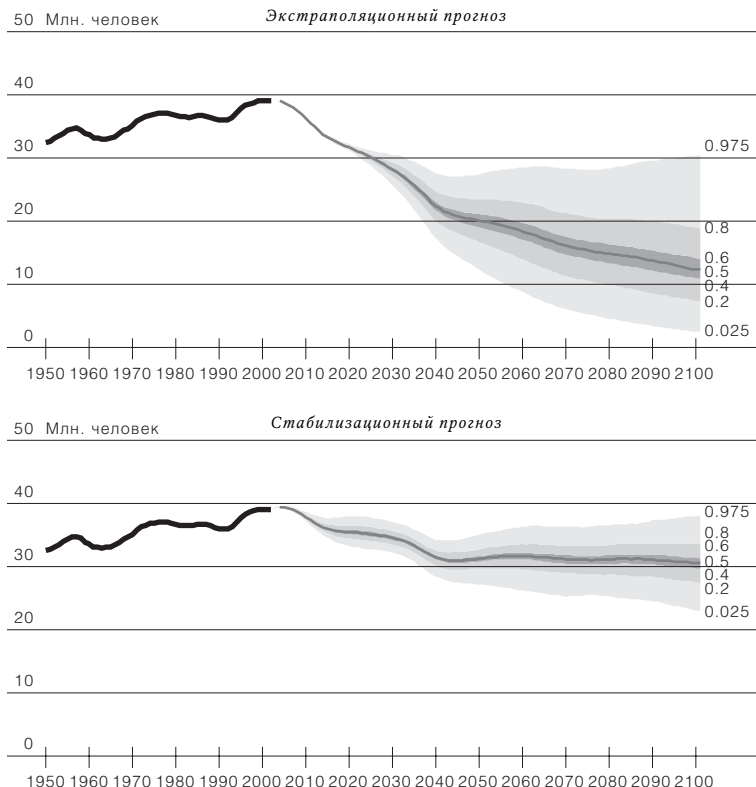

число потенциальных матерей после 2050, так что к концу столетия это число могло бы быть в 2,5 раза больше, чем по экстраполяционному прогнозу (табл. 22.12 и рис. 22.18).

Таблица 22.12. Число женщин репродуктивных возрастов (15–49 лет): фактическое до 2000 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2000 года, млн.

	Медиана		60%-й доверительный интервал		95%-й доверительный интервал	
	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз	Экстраполяционный прогноз	Стабилизационный прогноз
1950	32,5	32,5	32,5	32,5	32,5	32,5
1975	36,9	36,9	36,9	36,9	36,9	36,9
2000	39,0	39,0	39,0	39,0	39,0	39,0
2025	30,1	35,2	29,6–30,6	34,0–36342	28,8–31,2	32,8–37,8
2050	20,1	31,3	16,7–23,6	29,7–32,7	12,3–27,5	27,2–35,0
2075	15,4	31,0	10,5–20,6	28,8–33,3	5,3–28,2	25,5–36,3
2100	12,4	30,6	7,4–19,0	27,5–33,7	25,4–30,4	23,1–38,0

Рисунок 22.18. Число женщин репродуктивных возрастов (15–49 лет): фактическое до 2002 года и по экстраполяционному и стабилизационному вариантам прогноза при разных доверительных вероятностях — после 2002 года, млн.

22.5 Демографические вызовы XXI века

Никакой демографический прогноз нельзя считать абсолютно точным, будущее можно предсказывать только с большей или меньшей вероятностью. Тем не менее, основные линии демографического развития России на много лет вперед достаточно ясны, и они ставят страну перед очень серьезными вызовами, главнейшие из которых — вызов депопуляции, вызов демографического старения и вызов иммиграции.

22.5.1 Вызов депопуляции

Население России сокращается с 1992 года, и, как показывают прогнозы, при сохранении нынешних тенденций этому сокращению не видно конца. Так ли это страшно? Почему Россия не может обойтись меньшим, чем сейчас, населением, в чем вообще смысл большей или меньшей его численности?

Неоспоримых доказательств того, что численность населения всегда и везде должна обязательно увеличиваться, нет. К тому же ее ди-

намику нельзя рассматривать в отрыве от других перемен в демографическом бытии людей. Сокращение прироста численности населения или даже отрицательный прирост до известной степени компенсируются одновременным ростом демографического потенциала, т.е. совокупного числа прожитых этим населением человеко-лет вследствие увеличения продолжительности жизни.

При росте ожидаемой продолжительности жизни для мужчин от 50 до 75 лет и для женщин до 80 лет (путь, пройденный многими промышленными странами в XX веке) совокупное время, проживаемое поколением, увеличивается у мужчин в 1,5 раза, у женщин — в 1,6 раза. Так что, в определенном смысле, 725 млн. европейцев с современной продолжительностью жизни занимают на Земле больше места, чем 1 млрд. человек со сроками жизни, характерными для рубежа XIX–XX веков. А 145 млн. современных жителей России, где в начале XX века ожидаемая продолжительность жизни не достигала 35 лет, даже при их относительно низкой для конца XX века продолжительности жизни (67 лет для обоих полов) эквивалентны примерно 280 млн. россиян конца XIX века.

Можно найти немало аргументов в пользу того, что сокращение населения — не всегда беда, а его рост — не всегда благо. Но, обращаясь к конкретным условиям России, нельзя не видеть, что для нее убыль населения, по многим соображениям, крайне невыгодна.

22.5.1.1 Потеря высокого места в мировой демографической иерархии

Россия стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии. Столетие назад население Российской империи (по переписи 1897 года) составляло 129 млн. человек (примерно 8% мирового населения), а население собственно России — 71,1 млн. — 4,4% (1900).

Даже в 1950 году доля России (РСФСР) в мировом населении составляла более 4%, а доля СССР, еще не восстановившего свое довоенное население, — 7,1% (178,5 млн.). (Россия достигла своей довоенной численности к началу 1954 года, СССР — к началу 1955–го.) На первый день третьего тысячелетия — 1 января 2001 года — постоянное население России (51% населения бывшего СССР в 1990 году) — составляло 144 млн. человек — всего 2,4% мирового населения. Доля эта быстро падает и — по всем прогнозам — будет падать и в дальнейшем. «Средний» вариант долгосрочного прогноза ООН определяет численность населения России на 2050 год в 101,5 млн. человек (1,1% населения мира), на 2100 год — в 79,5 млн. (0,8% населения мира, в десять раз меньше, чем доля Российской империи к началу XX века) (табл. 22.13).

При этом Россия занимает почти 13% мировой суши — самая большая в мире, но крайне слабо заселенная территория. Она соседствует с густонаселенными государствами, и некоторые из них время от времени заявляя претензии на российские территории.

Главные причины потери Россией своего места в мире находятся как вовне, так и внутри нее.

Внешняя причина — демографический взрыв, который резко ускорил рост населения обгоняющих Россию развивающихся стран.

Внутренних причин, по меньшей мере, две. Одна из них — демографические потери в катастрофах первой половины XX века. Как было показано выше (раздел 19.5), если бы этих потерь и их автоматических

демографических последствий не было, население России в 2000 году было бы, по крайней мере, на 113 млн. человек больше, чем оказалось на самом деле.

Вторая причина — общие для всех развитых стран, хотя и имеющие в России свою специфику, эволюционные изменения в процессе демографического перехода, демографической модернизации, о которой и идет речь в этой книге.

Сказанное прежде всего относится к типичному, характерному для всех стран переходному процессу, снижению рождаемости до очень низкого уровня — одного этого достаточно для возникновения депопуляции. Но применительно к России приходится сразу же указывать и на нетипичную особенность — задержку с завершением перехода к новому типу смертности и, следовательно, на относительно высокий ее уровень, что несомненно усиливает депопуляционную тенденцию, хотя главным ее источником служит все же низкая рождаемость.

Таблица 22.13. Численность населения крупнейших стран мира, млн., и ранговое место России в 1950, 2000, 2050 и 2100 годах

Ранг	Страна	1950			2000			2050*			2100*			
		Ранг	Страна	Население	Ранг	Страна	Население	Ранг	Страна	Население	Ранг	Страна	Население	
1	Китай			554,7	1	Китай		1	Индия		1	Индия		1458,4
2	Индия			357,6	2	Индия		2	Китай		2	Китай		1181,5
				178,5										
3	СССР			178,5										
3	США			157,8	3	США		3	США		3	США		437,2
4	Россия			102,7	4	Индонезия		4	Пакистан		4	Пакистан		408,5
					5	Бразилия		5	Индонезия		5	Нигерия		302,5
					6	Россия		6	Нигерия		6	Индонезия		272,8
								7	Бангладеш		7	Бангладеш		259,9
								8	Бразилия		8	Эфиопия		222,2
								9	Эфиопия		9	Бразилия		212,4
								10	Конго		10	Конго		203,3
								11	Мексика		11	Уганда		167,1
								12	Египет		12	Йемен		144,2
								13	Филиппины		13	Египет		131,8
								14	Вьетнам		14	Филиппины		128,8
								15	Япония		15	Мексика		128,1
								16	Иран		16	Вьетнам		110,2
								17	Уганда		17	Нигер		98,6
								18	Россия		18	Иран		98,2
											19	Турция		90,3
											20	Афганистан		90,3
											21	Япония		89,9
											22	Россия		79,5

*Средний вариант долгосрочного прогноза ООН.

Источник: *World Population 2003*.

Однако Россия — не единственная страна, пережившая демографический переход. А отмечая несомненную общность демографических процессов во всех постпереходных странах, нельзя в то же время не видеть и отличий в долговременной динамике численности и структуры их населения. Особенно невыгодно для современной России сравнение с США. За 10 лет между переписями 1990 и 2000 годов население США выросло на 32,7 млн. человек — самый большой абсолютный прирост за межпереписной период в истории этой страны. Мы же за 10 лет

С учетом результатов переписи населения 2002 года. По данным текущего учета убыль была большей — 4,4 млн. человек.

сокращения населения (1992–2002) потеряли не менее 3,8 млн. человек³. По численности населения США в 1950 году находились на 3-м месте в мире, по прогнозам, они сохранят свое место и в 2050-м и в 2100 году. Россия за то же время передвинется с 4-го сначала на 18-е, а затем на 22-е место. Опыт США показывает, что и для развитых стран *возможна альтернативная демографическая стратегия*. Один из ее главных компонентов — крупномасштабная иммиграция. К этому вопросу мы еще вернемся.

22.5.1.2 Усиление несоответствия между численностью населения и размерами территории

Если потеря Россией своего «демографического веса» в мире — новое явление, то несоответствие между численностью населения России и размерами ее территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т.п. давно и хорошо известная проблема. Россия всегда была слабо освоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, но эти ее качества стали особенно ощутимыми после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину населения. Если России недостаточно ее нынешнего населения, то она тем более будет испытывать трудности при сокращении его численности.

Если европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России — 27 человек на 1 кв. км, в США — 29), то по сравнению с промышленными странами Западной Европы не слишком населено даже ее историческое ядро. Одна пятая населения страны сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем менее 3% ее территории. Но и здесь плотность населения (свыше 62 человека на 1 кв. км) почти вдвое ниже, чем в Европейском Союзе (119 человек на 1 кв. км)⁴. Что же касается азиатской части страны, то проблема ее заселения так и не была решена. Азиатская Россия занимает 75% всей территории страны, но в ней проживает всего 22% ее населения при плотности 2,5 человека на 1 кв. км.

Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных богатств и создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры. Вдобавок ко всему население Азиатской России убывает еще быстрее, чем население всей страны, что лишь отчасти обусловлено конъюнктурными обстоятельствами кризисного периода: здесь сказывается и общая ограниченность российского демографического потенциала.

При этом демографический потенциал дальневосточных и южных соседей России явно избыточен, они имеют громадное и растущее население (табл. 22.14), но ограниченные земельные и другие природные ресурсы.

Разумеется, территория России не однородна и не вся пригодна для заселения. По размерам эффективной для жизни территории (1/3 страны с высотами до 2000 м и среднегодовой температурой

После расширения ЕС в 2004 году — 114 человек на 1 кв. км.

не ниже -2°C) Россия занимает только пятое место в мире. Но такие ее регионы, как Поволжье и Сибирь, где на жителя приходится 2–2,5 га угодий и 1–1,5 га пашни, сравнимы лишь с самыми многоземельными странами мира (Вишневский, Андреев, Трейвиш 2003: 32–33).

Таблица 22.14. Население России и ее южных и восточных соседей, 1950–2100, млн. человек

	1950	2000	2050*	2100*
Бывший СССР	180,3	[293,1]	[244,2]	[202,0]
Россия	101,2	145,6	101,5	79,5
Китай	554,8	1275,2	1395,2	1181,5
Индия	357,6	1016,9	1531,4	1458,4
Япония	83,6	127,0	109,7	89,9
Центральная Азия**	17,5	56,2	76,1	68,9
Южно-Центральная Азия***	83,0	286,7	599,8	665,9

* Средний вариант долгосрочного прогноза ООН.

** Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

*** Центральная Азия, Иран, Афганистан и Пакистан.

Источник: *World Population 2003*.

По расчетам А. Трейвиша, более 2/3 всей благоприятной для поселения и ныне так или иначе заселенной территории России (3,4 млн. кв. км) относятся к категории малонаселенных и сильно недонаселенных, причем около 1/3 (1,6 млн. кв. км), а в сельской местности даже 46% (2,3 млн. кв. км), относятся к этой последней категории. Число людей, которых недостает для того, чтобы просто поднять плотность жителей малонаселенных регионов хотя бы до среднего по России уровня (тоже низкого) и чтобы подтянуть совсем отстающие регионы хотя бы до уровня малонаселенных, составляет соответственно 9,7 млн. и 11,3 млн., итого 21 млн. человек (Там же, 33–35).

Этот весьма условный расчет не учитывает потребности в городских густках населения, без которых не обходится ни одна современная страна. Уже сейчас демографическая слабость России проявляется, в частности, в тенденциях крупногородского расселения. Хотя по доле городского населения Россия находится на среднеевропейском уровне (73%) и не слишком отличается от таких стран, как США (75%) или Япония (77%), сеть крупных городов в ней развита относительно слабо. По числу городов с населением свыше миллиона человек она уступает США более чем в два раза. После распада СССР в России осталось 13 из 24 советских городов-миллионеров, из них только два — к востоку от Урала. Всего два российских города насчитывают свыше 2 млн. жителей (в США 14 городов имеют численность свыше 2 млн. человек, а 8 из них — свыше 3 млн.). Развитие крупногородского расселения в России долгое время шло, несмотря на преграды, связанные с действием института прописки и попытками проведения политики ограничения роста крупных городов. Но все же оно до известной степени тормозилось, причем не только искусственными мерами, но и недостаточностью демографических ресурсов.

Конечно, «недоразвитость» крупных городов — свидетельство недостатков регионального развития России, которое сумело породить не так много мощных региональных и межрегиональных столиц. Но здесь есть и обратная связь: «отсос» городского населения к нескольким

крупным центрам не позволяя сложиться крупным региональным метрополиям, которые могли бы дать импульс развитию своих регионов. В частности, ограничивающую роль, с точки зрения развития крупного-родского расселения, играет сверхконцентрация населения в Москве и вокруг нее. Важно то, что все это происходит на фоне общей ограниченности демографических ресурсов и, стало быть, конкуренции за них.

22.5.2 Вызов демографического старения

Какой бы сценарий демографического прогноза ни реализовался, XXI век будет веком продолжающегося старения населения России, а это также порождает многочисленные вызовы, на которые должно найти ответы российское общество.

22.5.2.1 Следует ли драматизировать экономические последствия старения?

Старение населения влечет за собой экономические и социальные последствия, которые уже не одно десятилетие обсуждаются в демографической, социологической, экономической литературе, причем обычно на первый план выступают явные или предполагаемые негативные последствия и порождаемые ими проблемы.

Особую обеспокоенность чаще всего вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за быстрого роста числа и доли пенсионеров, хотя иногда называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление напора поколений, геронтократия и пр.)⁵. Отрицательный вклад старения населения, «одряхления» наций в социальную динамику кажется очевидным и представляется фактором, обесценивающим многие выигрыши от демографической модернизации. Не исключено, однако, что такая оценка носит излишне односторонний характер и вызвана «шоком новизны», который сопровождает любые перемены и затрудняет понимание их позитивного смысла.

Сейчас в России широко распространено мнение о пагубном влиянии старения на положение пенсионеров и на общее экономическое положение страны. Между тем, никаких чрезвычайных, необычных для России изменений возрастной структуры населения до конца XX века не происходило. На протяжении всей второй половины минувшего столетия демографическая нагрузка на население в рабочих возрастах формировалась под влиянием как эволюционной, так и пертурбационной составляющих сдвигов в возрастной структуре. В связи со снижением рождаемости совокупная нагрузка детьми и пожилыми резко и необратимо сократилась между 1939 и 1959 годами, в дальнейшем же ее изменения имели волнообразный характер, что было связано с особенностями деформированной российской возрастной пирамиды. Волнообразные колебания накладывались на генеральную тенденцию постарения, которая сама по себе не приводит к слишком большому изменению совокупной нагрузки, а проявляется, главным образом, в замене детей пожилыми иждивенцами.

5 См., напр., Сови1977: 70–102. В отечественной литературе пример подобной аргументации — статьи А. Вишневого (Вишнево1970; Вишнево1972: 189–211).

Именно в силу волнообразного характера изменений возрастной пирамиды Россия, с точки зрения возрастного состава ее населения, к концу XX века оказалась в условиях, относительно благоприятных, едва ли не лучших за весь послевоенный период — вопреки распространенному мнению. В середине 1990-х годов произошла смена нисходящей и восходящей волн динамики численности наиболее активных групп населения, в частности лиц в рабочих возрастах, страна вступила в выгодный для нее период снижения экономической нагрузки на трудоспособное население. Нагрузка пожилыми, конечно, продолжала расти, но совокупная нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к концу столетия была необычно низкой, а если использовать международный критерий выделения трудоспособного населения⁶, то даже самой низкой за всю вторую половину минувшего столетия (рис. 22.19).

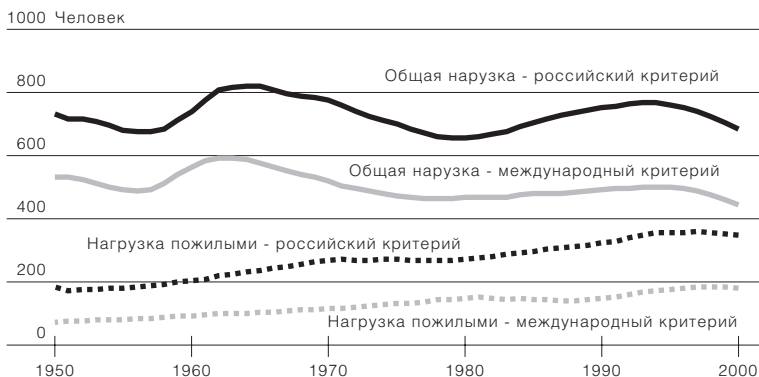
Как показывают прогнозы, изменения возрастной структуры населения России будут продолжаться еще очень долго, причем ослабление влияния оставшихся в прошлом пертурбационных факторов повысит роль эволюционного компонента — население России будет стареть (см. раздел 22.4). Тем более важно предостеречь от панической драматизации экономических последствий демографического старения, которой в немалой степени способствует асимметрия российской институциональной организации содержания иждивенцев на раннем и позднем этапах жизни.

Содержание детей во всех современных обществах в значительной мере ложится на семью (хотя и при значительном участии государства), тогда как содержание пожилых обеспечивается в основном с помощью пенсионных систем. Поэтому, если сравнивать только публичные душевые расходы в первом и втором «периодах иждивенчества», то второй из них действительно может оказаться более дорогостоящим. Не исключено, что именно этим объясняется нагнетание драматизма вокруг проблемы старения: правительства озабочены ростом своей доли экономической ответственности за благосостояние граждан. Но часть населения, находящаяся в «периоде производства», обеспечивает оба «периода иждивенчества» независимо от того, по каким каналам

6

В России к трудоспособному возрасту принято относить мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет. В международной практике к трудоспособным относят обычно и мужчин и женщин в возрасте от 15 до 65 лет.

Рисунок 22.19. Общая нагрузка и нагрузка пожилыми на 1000 трудоспособных, Россия, 1950–2000

движутся создаваемые ею ресурсы. А совокупная нагрузка на трудоспособное население, как мы видели, изменяется совсем не так, как нагрузка одними пожилыми иждивенцами.

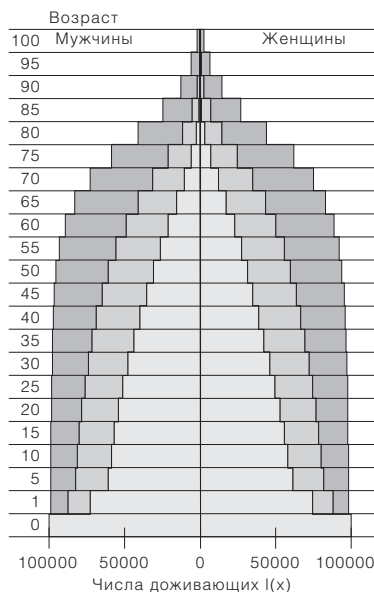
Скорее всего, истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь угрожающи, как это представляет иногда современная демографическая мифология. Тем не менее, нельзя отрицать, что глубокая необратимая трансформация возрастной пирамиды, оставшейся неизменной на протяжении тысячелетий, содержит вызов, который заслуживает самого серьезного внимания.

Естественно, что значительное увеличение времени жизни поколений потребовало перераспределения совокупной массы потребляемых поколением ресурсов в пользу все более поздних периодов жизни, которые прежде были уделом немногих избранных, а теперь стали достоянием большинства. В этом смысле потребление каждого поколения стало более «демократичным», хотя речь идет об устранении, по крайней мере частичном, не столько социальных и экономических, сколько демографических привилегий. Разумно ли, что, достигнув столь выдающегося результата, научившись продлевать жизнь большинства пришедших в этот мир людей до глубокой старости, общество начинает выражать беспокойство по поводу того, что эти люди до самой смерти должны что-то есть, вообще потреблять в более широком смысле?

Как и всякие перемены, продление жизни поколений порождает проблемы адаптации социальных институтов к новым демографическим реальностям. Само развитие пенсионных систем — один из главных ответов на быстрый рост доли пожилых людей в XX веке. Нынешний рост «пенсииерской нагрузки» бесспорен, но почему он должен восприниматься с таким драматизмом, как будто общество совершенно бессильно ответить на этот вызов? Ведь уже сами демографические перемены создали экономическую возможность такого ответа. Вместе со снижением смертности возрастает совокупное число человеко-лет не только потребления, но и производства, причем возрастает приблизительно в одной и той же пропорции, так что соотношение времени, прожитого в «периоде иждивенчества» и «периоде производства», практически не меняется.

На рисунке 22.20 представлена модель распределения времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет). Сравнение внутренней (соответствующей поколению с продолжительностью жизни в 30 лет — близкой к той, которая была в России на исходе XIX века) и внешней (соответствующей поколению с продолжительностью жизни в 75 лет, не достигнутой в России еще и сейчас) пирамид на графике ясно показывает, как с увеличением продолжительности жизни увеличивается и число тех, кто доживает до более поздних возрастов. Соот-

Рисунок 22.20. Модель распределения времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной средней продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет)

Источник: Coale, Demeny 1966.

ответственно увеличивается и доля времени, проживаемого людьми из этого поколения в средних, а затем и в старших возрастах. Но соотношение времени, прожитого каждым средним представителем поколения в рабочем и не рабочем (до и после пребывания в возрасте трудоспособности) возрастах меняется крайне мало, да и эти небольшие изменения, скорее, во благо, а не во вред: доля времени, прожитого в возрасте иждивения даже несколько сокращается (табл. 22.15).

Таблица 22.15. Распределение времени, прожитого поколениями с одинаковой исходной численностью и разной ожидаемой продолжительностью жизни (30, 50 и 75 лет), %

Возраст	Ожидаемая продолжительность жизни		
	30 лет	50 лет	75 лет
Моложе трудоспособного (0–20)	40,1	32,6	26,2
Трудоспособный (20–65)	55,0	57,7	56,8
Старше трудоспособного (65+)	4,9	9,7	16,9
Всего	100,0	100,0	100,0
В том числе в возрасте иждивения	45,0	42,3	43,2

Источник: Coale, Demeny 1966

Одного этого факта достаточно для того, чтобы не драматизировать «проблему старения» как демографическую проблему. При этом следует заметить, что дети-иждивенцы потребляют до того, как они начали производить, так сказать, авансом. Пожилые же люди переходят на положение иждивенцев после того, как их рабочая жизнь закончилась, так что их потребление заранее оплачено их собственным трудом.

Кроме того, старение населения происходит параллельно с другими экономическими и социальными переменами, которые также могут в той или иной мере нейтрализовать возможные отрицательные последствия роста доли пенсионеров. Человек вступает в свой второй «период иждивенчества» через 40–45 лет после того, как он покинул его первый период (детство), а за это время общество становится намного богаче. При прочих равных условиях, теперь оно способно без особого напряжения поддерживать уровень потребления пожилых, намного более высокий, чем их уровень потребления в тот период, когда они были детьми и когда в значительной мере формировались их потребности.

Одним словом, увеличение доли пожилых людей идет в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий старения населения. Надо только суметь ими воспользоваться. Как отмечал известный американский демограф и экономист Р. Истерлин, «реальная задача [в связи с этим] относится, в основном, к области политики. Необходимо с помощью налогообложения изъять семейные сбережения, предназначенные на содержание молодых иждивенцев, с тем, чтобы эти капиталы могли быть использованы на покрытие растущих общественных затрат на содержание пожилых иждивенцев. Проблема политической приемлемости такой меры достаточно серьезна, но она не кажется неразрешимой, учитывая, что платящие налог работники сами же являются и потенциальными получателями из создаваемых за счет этого налога фондов» (Easterlin 1994: 22).

Для того чтобы перераспределение ресурсов в пользу позднего периода жизни поколений стало политически приемлемым, нужны со-

циальная философия и политическая экономия, отвечающие новым демографическим реальностям. Пока их нет, и, скорее всего, они сформируются и получат признание лишь тогда, когда подойдет к концу переходный период, на протяжении которого возрастной состав населения непрерывно меняется, и окончательно установится новая стабильная возрастная пирамида с относительно узким основанием и широкой верхней частью. А до тех пор будет казаться, что с каждым десятилетием увеличение доли пожилых людей делает все более затруднительным и их собственное положение, и положение национальных экономик в целом.

22.5.2.2

Может ли повышение возраста выхода на пенсию служить ответом на вызов старения?

Обусловленный старением населения рост числа и доли пенсионеров представляет собой серьезный вызов существующей системе социального обеспечения; сейчас и на Западе, и у нас нередко говорят о ее кризисе, вызванном старением.

Один из возможных ответов на этот вызов заключается во введении накопительных пенсионных систем, однако это, скорее, реакция не на сам фундаментальный сдвиг в соотношении возрастов, а на переходную ситуацию, складывающуюся в период, когда происходит этот сдвиг и сосуществуют разные по численности поколения. Это и служит причиной того, что многочисленные поколения пожилых не могут рассчитывать на малочисленные поколения их детей и внуков.

Что же касается ответа на старение населения как на окончательную замену одной стабильной возрастной структуры («молодой») другой («старой»), то его часто видят в повышении законодательного возраста выхода на пенсию. Но это решение — не единственное. Цитированные выше слова Истерлина о необходимости перераспределения ресурсов между «низом» и «верхом» возрастной пирамиды, между детьми и пожилыми, указывают на альтернативный путь, менее очевидный, политически более сложный, но, возможно, более обоснованный. Ибо повышение возраста выхода на пенсию означает, по сути, движение в противоположном направлении: перераспределение ресурсов в пользу все более малочисленных поколений детей.

Правда, и в этом может быть своя логика. В связи с развитием образования и удлинением сроков обучения возникает значительное несовпадение демографических и экономических границ «детства». Начало трудовой деятельности становится намного более поздним, чем раньше, и кажется логичным отодвинуть к более поздним возрастам и ее окончание. В противном случае получается, что человек живет все дольше, а работает все меньше.

Но даже если этот довод можно было бы использовать для повышения возраста выхода на пенсию в западных странах, для России он пока не кажется убедительным.

В самом деле, во многих странах Европы законодательный возраст выхода на пенсию выше, чем в России: как правило, для мужчин и даже для женщин — 65 лет, иногда и выше. Но в Европе благодаря более высокой продолжительности жизни до возраста выхода на пенсию до-

живает гораздо больше людей. В России шансы дожить до пенсии, по сравнению с европейскими странами, весьма невелики, и уже на протяжении нескольких десятилетий они не только не повышаются, но даже имеют тенденцию к снижению (табл. 22.16).

Таблица 22.16. Число доживающих до 55, 60 и 65 лет из 100 доживших до 20 лет, Россия, 1965–2000

	Мужчины			Женщины		
	от 20 до 55	от 20 до 60	от 20 до 65	от 20 до 55	от 20 до 60	от 20 до 65
1965	80,4	73,2	62,9	91,9	88,4	82,8
1980	72,9	64,4	53,9	91,0	86,8	80,8
1995	64,1	54,0	42,8	88,3	83,4	76,5
2000	66,3	56,0	44,7	89,4	84,7	77,7

Даже если отвлечься от экстраординарной ситуации середины 1990-х годов, нельзя не видеть, что и до этого потери от преждевременной смертности, особенно у мужчин, были очень велики. На протяжении 1970–1980-х годов только примерно две трети мужчин, достигших 20 лет, доживали до стандартного возраста выхода на пенсию. Остальные же, хотя и работали иногда по несколько десятков лет, умирали прежде, чем приходило время ее получать.

Между тем, реальный пенсионный фонд создается как теми, кто сумел пережить трудоспособный период и дожить до пенсии по старости, так и теми, кто, вступив в трудоспособный возраст, умер, не «дотянув» до пенсии и оставив свой взнос в пенсионный фонд не востребованным, как бы передав его в «наследство» выжившим. Фактически любой пенсионер получает пенсию как за счет того, что он сам создал свои трудом («самоподдержка»), так и за счет созданного теми, чья жизнь оборвалась раньше («наследование») (Васин 1997: 82). Доля «наследования» увеличивается с возрастом выхода на пенсию (табл. 22.16).

Судя по данным таблицы 22.16, российские женщины получают свои пенсии в основном за счет «самоподдержки». У мужчин же использование работниками пенсионного фонда, в формировании которого чрезвычайно большую роль играют не востребованные вклады умерших до 60 лет, вопиюще неэффективно. При очень высокой смертности 1995 года даже при выходе на пенсию в возрасте 55 лет у мужчин вклад не доживших до пенсии превышал бы 25%, а в возрасте 65 лет — был бы больше 45%.

Таблица 22.16. Доля «наследования», или вклад умерших до выхода на пенсию при разных пенсионных границах в условиях российской смертности, 1965–2000, %

	Возраст выхода на пенсию					
	Мужчины			Женщины		
	55 лет	60 лет	65 лет	55 лет	60 лет	65 лет
1965	13,4	19,4	28,7	5,6	8,3	13,1
1970	15,8	22,4	31,6	5,8	8,7	13,3
1975	16,9	23,6	33,0	5,9	9,1	13,9
1980	19,1	26,4	36,1	6,4	9,7	14,8
1985	17,2	24,7	34,5	6,0	9,4	14,6
1990	16,1	23,4	33,3	5,3	8,5	13,4
1995	26,4	35,4	46,3	8,3	12,3	18,1
2000	24,2	33,4	44,4	7,3	11,2	17,2

Но и дожившие до пенсии и «унаследовавшие» заработанное теми, кто умер раньше, в России имеют намного более низкие, чем в Европе, шансы воспользоваться своей пенсией на протяжении относительно длительного времени. В 2000 году среднему 65-летнему западноевропейцу предстояла более долгая жизнь, чем среднему 60-летнему россиянину (табл. 22.17).

Таблица 22.17. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 60 и 65 лет в России и некоторых европейских странах, 2000, годы

	В возрасте 60 лет		В возрасте 65 лет	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Россия	13,3	18,5	11,1	15,0
Великобритания	19,4	23,0	15,7	18,9
Германия	19,2	23,4	15,7	19,4
Испания	19,8*	24,5	16,5	20,4
Франция*	20,2*	25,3	16,5	20,9
Швеция	20,7	24,3	16,9**	20,1**

* 1999; ** 2001.

Источники: Демографический ежегодник 2001; *Statistiques sociales européennes 2002*; *Evolution démographique 2002*.

Таким образом, при нынешнем российском уровне смертности мужчин даже пенсионная граница, приходящаяся на возраст 60 лет, несправедливо высока. Любое повышение пенсионного возраста лишь усилит эту несправедливость.

Конечно, логика социальной справедливости нередко входит в противоречие с чисто экономической логикой, это противоречие носит объективный характер, и с ним нельзя не считаться. Но никакое общество не может жить, исходя из одной только экономической логики.

Спору нет, в ситуации, когда значительная часть населения не доживает до пенсии и не использует свой взнос в обеспечение собственной старости, преждевременная смертность компенсирует процесс постарения возрастной структуры населения, облегчая функционирование пенсионной системы. Повышение возраста выхода на пенсию облегчило бы его еще больше. Но ведь пенсионная система — не самоцель. Она — лишь одно из средств решения общественных задач, в число которых входят и удлинение человеческой жизни, и расширение рамок свободного времени в жизненном бюджете времени человека. Нельзя абсолютизировать эти задачи, не считаясь с другими задачами, равно как и с ресурсами, которыми располагает общество. Но нельзя и отказаться от них, не рискуя оставить общество без четких, хорошо осознаваемых ориентиров развития.

22.5.3 Вызов иммиграции

И депопуляция, и старение, порожденные глубокими изменениями демографических процессов, неразрывно связанными с модернизацией хода воспроизводства человеческих поколений, получившей название «демографического перехода», принадлежат к числу главных вызовов, на которые предстоит ответить российскому обществу в XXI веке. Оно сможет это сделать, если объединит ответы двух типов, которые условно можно назвать «качественным» и «количественным».

«Качественный» ответ требует приспособления всех экономических и социальных институтов к новым для России демографическим условиям. Необходимо резко перенести центр тяжести с экстенсивных на интенсивные формы развития, обеспечить максимально возможную отдачу затрат любых ресурсов, идет ли речь об экономике, образовании, здравоохранении, науке или обеспечении безопасности. Только подобная интенсификация, позволяющая добиваться успехов не числом, а умением, способна частично компенсировать неблагоприятные демографические сдвиги и создать предпосылки для того, чтобы нынешние, не столь многочисленные, как прежде, поколения россиян могли решать свои задачи и не подрывать при этом основ существования поколений своих детей и внуков.

Но одного этого ответа недостаточно. Россия нуждается и будет нуждаться в людях, и эта нужда не исчезнет даже при самых больших достижениях в области научно-технического и социального прогресса, — достижениях, которых, к тому же, не так легко добиться. Поэтому одновременно с «качественным», социально-экономическим, необходимым и «количественный», демографический, ответ, позволяющий максимально замедлить сокращение населения России, а в идеале — стабилизировать его численность. В известной мере это может быть сделано за счет повышения рождаемости и снижения смертности, но возможности здесь сравнительно невелики. Главный реальный ресурс «демографического ответа» — иммиграция.

Возможность, а в каком-то смысле и неизбежность использования этого поистине безграничного ресурса вытекает не только из внутренних демографических потребностей России, но и из демографической ситуации за ее пределами. Растет перенаселенность сопредельных стран — ее южных соседей и повышается мобильность их населения. И то, и другое ведет к нарастанию миграционного давления на Россию. Оно, по меньшей мере, найдет свое проявление в нелегальной миграции, сдерживать которую станет все труднее и труднее и на которую придется отвечать расширением легальных возможностей иммиграции. Таким образом, будущий миграционный приток населения в Россию имеет двоякую обусловленность: внутреннюю и внешнюю.

Разумеется, Россия не одна ощущает эту двоякую обусловленность притока мигрантов. В таком же положении находятся и другие промышленно развитые и урбанизированные страны, даже если демографическая ситуация в них несколько лучше, чем в России. Опыт стран, которые широко прибегают к иммиграционному ресурсу, говорит как о возможностях, так и о границах этого пути.

В Германии отрицательный естественный прирост населения появился намного раньше, чем в России, и остается таковым уже больше 30 лет. Однако население Германии после 1985 года растет — благодаря притоку иммигрантов, перекрывающему его естественную убыль. В целом по Европейскому Союзу миграционный прирост населения за 1990–1999 годы достиг 8,7 млн. человек, при том, что общий прирост населения за этот период составил 12,7 млн. (Statistiques sociales 2002: 47). Прогнозируемый на ближайшие 20 лет миграционный прирост населения Европейского Союза превышает 700 тыс. человек в год (Там же, 129).

Особенно показателен уже упоминавшийся опыт США, которые рассчитывают сохранить свое место в мировой демографической ие-

рархии за счет значительной иммиграции из разных районов мира. Демографическое положение США сейчас несколько лучше, чем европейских стран, рождаемость здесь более высока, хотя тоже уже не обеспечивает простого замещения поколений, естественный прирост пока остается положительным. И тем не менее США принимают очень большое количество мигрантов (8,7 млн. человек за 1990–1999 годы – столько же, сколько Европейский Союз, хотя население США составляет менее 60% населения ЕС), а долгосрочный демографический прогноз США предусматривает, что миграционный прирост их населения за первую половину столетия составит примерно 45 млн. человек (Statistical Abstract 2001: 9).

Принимать иммигрантов американцы и европейцы вынуждены из-за своих внутренних обстоятельств – примерно таких же, какие существуют и в России. Однако это – не единственные обстоятельства, с которыми приходится считаться странам-реципиентам, хотя они и привыкли думать, что контролируют миграционные потоки в своих интересах. Такое представление соответствует этапу миграционного взаимодействия развитого и развивающегося миров, который уже закончился. На том этапе главный «мотор», приводивший в движение миграционные потоки, действительно находился в странах-реципиентах. Но коль скоро такие потоки сложились, они приобрели свои собственные движущие силы и, нарастая, все больше отражают ситуацию в странах – поставщиках мигрантов, да и в мире в целом.

Страны, еще недавно охотно принимавшие мигрантов, все чаще пытаются ограничить их приток. Но когда легальные миграционные каналы, предоставляемые странами-реципиентами, оказываются слишком узкими, возникают нелегальные каналы, что и происходит на наших глазах. По некоторым оценкам, в середине 1990-х годов число нелегальных мигрантов в Европе приближалось к 3 млн. (Skeldon 2000: 12). По оценке Бюро цензов США, число нелегальных мигрантов в этой стране на начало 2000 года достигало 7 млн., из которых 4,8 млн. составляли мексиканцы (Statistical Abstract 2004). О миллионах нелегальных мигрантов говорят и в России. Проблема незаконной миграции все явственнее выходит на первый план, включается в число проблем, в наибольшей степени занимающих политиков и общественное мнение в странах-реципиентах.

За всем этим стоит демографическое давление перенаселенного «третьего мира» на страны «золотого миллиарда», все больше превращающегося в мировое меньшинство. Эти страны все меньше способны противостоять натиску окружающих его миллиардов жителей развивающихся стран – еще недавно их было всего 2 млрд., потом стало 3, 4, 5, и будет еще больше. Миграционный напор с их стороны несомненно будет быстро нарастать и контролировать его будет с каждым годом сложнее. Какое-то время будут совершенствоваться как способы миграционного контроля, так и способы нелегального проникновения в обход этого контроля, дальнейшее же развитие событий предсказать трудно. Несомненно, что перераспределение населения между перенаселенными и депопулирующими странами само по себе есть некий ответ на многие вызовы, порожденные демографическими изменениями XX века. Но этот ответ, в свою очередь, превращается в новый вызов, и он может стать самым главным вызовом нового столетия.

Сегодняшний миграционный напор может оказаться лишь отдаленным раскатом приближающейся грозы. Демографическое давление «Юга» на «Север» способно приобрести самые разные формы, при определенных критических обстоятельствах может соединиться с военно-политическим давлением, привести к крупномасштабной перекройке политической карты мира и т.п. На фоне такого рода угроз рутинная экономическая миграция, позволяющая «выпускать пар» из перегретого котла «Юга», укреплять мосты между развитым и развивающимся мирами и не доводить дело до взрыва, выглядит все же менее опасным решением. Но считать его абсолютно безопасным тоже нет оснований.

Демографические массы обоих «миров» несоизмеримы. Потенциальное предложение дешевой рабочей силы из развивающихся стран практически безгранично, тогда как потребности развитых стран все же довольно жестко ограничены. Существуют и другие пределы их миграционной емкости, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов — носителей других культурных традиций, стереотипов и т.д. До тех пор пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается, и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством «местного» и «пришлого» населения.

Конфликтность ситуации повышается и вследствие самого процесса адаптации носителей традиционных сельских культур «третьего мира» к современной городской культуре промышленных стран. На этом пути неизбежна их культурная маргинализация, по крайней мере временная, кризис их культурной идентичности. Положение обостряется еще и тем, что такой кризис нарастает и в самих странах «третьего мира», постепенно продвигающихся по пути модернизации. Все они вступают в крайне болезненный этап внутреннего культурного конфликта, жесткого противостояния ценностей традиционализма и модернизма.

Этот конфликт развивается на фоне быстро нарастающих притязаний новых, порождаемых модернизацией социальных слоев и сохраняющегося, а иногда и увеличивающегося экономического и социального неравенства, всеобщей бедности и т.д. Рано или поздно он затрагивает и основную массу крестьянского населения. Оно также все явственнее испытывает давление модернизационных перемен (к числу которых относятся, конечно, и демографические: быстрый снижение смертности и ускорившийся рост населения). Неготовность поколений, социализировавшихся в традиционных условиях, принять перемены, без которых нельзя жить в современном мире, выливается в массовое неприятие всего нового, в агрессивное отторжение всех «городских», «западных» нововведений. Повсеместно ширится смутное общественное недовольство, создающее идеальную почву для политического, идеологического, религиозного экстремизма, который может быть лег-

ко использован в любых целях, совместимых с неразборчивостью в средствах.

Иммигрантские анклавы в развитых странах, нередко представляющие собой слепки с тех обществ, из которых они вышли, сохраняющие с ними связь и в то же время раздираемые противоречиями культурной идентификации, часто оказываются весьма чувствительными к упрощенным «фундаменталистским» идеям, помогающим избавиться от культурной раздвоенности и, как кажется, вновь обрести свое целостное «я». При этом процесс ассимиляции блокируется, и многие (хотя, конечно, не все) иммигранты оказываются в оппозиции к принимающим их обществам.

Все это осознается не сразу, но постепенно промышленные страны, использующие иностранную рабочую силу, начинают ощущать ограниченность своей иммиграционной емкости, в них возникает конкуренция «своих» и «чужих» за рабочие места, разворачиваются дебаты вокруг проблемы иммиграции, она становится важной картой в политической игре. В обществе нарастают антииммиграционные настроения и формируется соответствующая мифология, нередко увлекающая даже интеллектуальную элиту, но, по своему уровню, мало отличающаяся от мифологий, блуждающих в среде полуграмотных маргинализованных иммигрантов.

Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда, и в особенности с «пропускной способностью» адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации и культурной ассимиляции иммигрантов.

Но у России есть и особенности, отнюдь не облегчающие ее положение. К их числу относятся огромные слабозаселенные территории, богатые ресурсами, в том числе такими важными для наступившего века, как пригодные для сельского хозяйства земли, пресная вода, энергоносители. Это усиливает одновременно и потребность России в людях, и ее миграционную привлекательность в условиях нарастающего демографического давления со стороны перенаселенного «Юга». Не слишком радужны миграционные перспективы России, если рассматривать их с точки зрения ее геополитического положения. В частности, массовый приток китайцев на российский Дальний Восток, если бы он имел место, не только не вел бы к глубинной культурной ассимиляции (ввиду непосредственной близости мощного собственного культурного материка), но и мог бы рано или поздно привести к активизации существующих территориальных притязаний Китая.

Разумеется, границы миграционной емкости России, как и любой другой страны, нельзя рассматривать как очень жесткие. Миграционная емкость может быть увеличена путем проведения специальной политики, направленной на расширение «узких мест». Но и такая политика, даже очень активная, может лишь несколько раздвинуть границы миграционной емкости, но не может их устранить. Массовая иммиграция надолго остается серьезнейшим вызовом, уйти от которого не может никто. XX век стал веком небывалого в истории роста мирового населения, XXI будет, скорее всего, веком нового великого переселения народов.

В иммиграционном вызове фокусируются все остальные демографические вызовы, перед которыми стоит Россия и которые, собственно, и подталкивают ее к расширению иммиграции. А поиски ответа на этот серьезнейший вызов XXI века в ближайшие десятилетия станут одной из центральных задач внутренней, а возможно, и внешней политики России.